

Лейтенант Дегре

Ясон

16+

Лейтенант Дегре Ясон

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=58536358

SelfPub; 2022

ISBN 978-5-532-92142-9

Аннотация

Белогвардейцы-монархисты и чекисты стремятся бросить тайну сокровищ русских царей каждый на свою чашу весов, чтобы изменить судьбу России. Среди противников есть выдающиеся идейные борцы, но тайна достается неприметному человеку, который помимо своей воли вмешивается в противостояние, находит, а затем теряет свое счастье. Приключения героев странным образом напоминают сюжет древнегреческого мифа. Но есть еще одна литературная аналогия: события переплетаются с судьбой известного Писателя и отражаются в его знаменитом романе о Двенадцати стульях, который может появиться только под чужим именем.

Содержание

Пролог	4
Остров среди мёртвой зыби	8
Еврипид	26
Сыщик	38
Сын Турка	47
Парсеваль	59
Визит старой дамы	65
Аргонавтика	83
Конец ознакомительного фрагмента.	97

Лейтенант Дегре

Ясон

*Хвала вам, Росски Аргонавты,
Дерзали вы по безднам плыть,
Ревнуя добычи богаты
С своим Отечеством делить.
Г. Хвостов. Стихи кораблю «Суворов»*

Пролог

*«Ныне мы держим в руках судьбу и отцов, и
отчизны,
И своих сыновей затем, что от наших поступков
Ждет Эллада, позор ли принять на себя или
славу».*

Москва, Кремль. Октябрь 1941 года.

Было три часа ночи. Вождь, больной гриппом, уже долго смотрел невидящим взглядом куда-то сквозь своего наркомана. Тот осторожно кашлянул и напомнил о себе:

– Товарищ Сталин, вы распорядились проверить присланное вам лично сообщение. Там, где неизвестный американец предлагает оплатить военные закупки Советского Союза в пределах суммы шестьдесят миллионов долларов.

– Вы узнали, кто это? – очнулся Сталин.

– Никак нет, товарищ Сталин, по нашим каналам не удалось. Боялись спугнуть, если это действительно серьёзное предложение. По другой линии выяснением его личности занимается НКВД. Мы вначале считали, что это может быть провокацией, и повели себя осторожно.

– Стоило ли бояться каких-то там провокаций, когда немцы уже стоят у стен Москвы и Ленинграда, – раздраженно прервал его Сталин, – когда нами потеряна почти половина страны, а, Арсений?

– Никак нет, товарищ Сталин, не стоило. Наркомторг и наркомат вооружений составили список наших основных потребностей и предали его американцам. Наше дело – финансы. Мы со своей стороны решили до решения американского правительства об условиях предоставления нам финансовой и военной помощи часть наших заказов оплатить из специального фонда помощи Советскому Союзу. Но я распорядился, чтобы отдельные счета на оплату были пересланы нами по указанному в письме адресу. Эти счета были оплачены.

– Значит, это серьёзный человек, Арсений! Тогда впредь пользуйтесь его предложением!

– Когда мы договоримся с американцами об условиях поставок, мы непременно будем пользоваться его предложениями, товарищ Сталин.

– Этот человек прислал мне лично ещё одно письмо, где

он сообщил ещё кое-что. Он сообщил, что может указать местонахождение шестидесяти тонн золота в слитках на территории Советского Союза. Просит меня использовать золото по своему усмотрению на благо страны.

Сталин надолго замолчал. Нарком счёл уместным вставить ободряющее замечание:

– Это золото было бы для нас как нельзя кстати, товарищ Сталин.

Сталин усмехнулся в усы:

– Золото это, по его сведениям, находится в подвалах Александровского дворца бывшего Царского Села.

– Товарищ Сталин, сейчас это не проверить. Бывшее Царское Село сейчас занято немцами, поиски там сейчас невозможны.

– Это я знаю без тебя, – язвительно заметил Сталин, – представь себе, наши военные уже успели мне доложить. Не побоялись.

Нарком смущенно опустил голову, не выдержав взгляд хищных жёлтых глаз Вождя. Выдержав паузу, Сталин продолжил:

– Ещё он дополнительно сообщает, данная информация стала известна ему в ходе операции «Трест». А что ты, Арсений, знаешь об участниках операции «Трест»?

– Я слышал, что почти все они были расстреляны, товарищ Сталин, – тихо, почти шёпотом отозвался нарком.

– Мне доложили, что они готовили переворот. Данные об

этом были представлены весьма убедительные, но всё равно тогда казались невероятными, – Сталин тяжело вздохнул и впал в глубокую задумчивость. Нарком уже не решался прервать Вождя. Наконец, Сталин, словно очнувшись, сказал:

– Правда, потом те, кто их разоблачал и расстреливал, тоже готовили переворот. И нам пришлось их тоже расстрелять. Неужели все они действительно оказались врагами? И те, и эти? А, Арсений?

Сталин бросил на наркома взгляд тигриных глаз. Тот молчал, потому что не знал, как нужно правильно ответить. Сталин ответил сам себе:

– Я думаю, планы переворота у них были на самом деле. Реальные планы были. А вот финансовая сторона обеспечения переворота у меня в голове никак не складывается. На что они рассчитывали? Может быть, ты подскажешь, Арсений?

Остров среди мёртвой зыби

*Днище Арго под ногами его. Вот убрали канаты,
Вот вино возливать стали чистое в море. Ясон
же
Со слезами очи отвел от родимой отчизны...
Но вот на море зыбь поднялась под порывами
ветра,
Ветра, который с морских берегов в предвечерье
повеял...
Здесь же на свернутых сели они парусах и на
мачте,
Книзу пригнутой, один за другим соблюдая
порядок.
Сын Эсона разумный повел к ним речи такие...*

Архипелаг Самоа. Февраль 1929 года.

В конце лета в лагуне одного из островков архипелага Самоа покачивалась на якоре большая парусная лодка. На берегу под пальмами невдалеке от хижины, крытой пальмовыми листьями, в плетёных креслах сидели двое мужчин и любовались закатом. Оба одинаково вытянули ноги и одинаково заложили руки за затылок. Оба были очень похожи друг на друга, хотя и отличались возрастом: оба босиком, оба в одинаковых белых парусиновых штанах и блузах, оба худые и дочерна загоревшие, оба с голубыми глазами. Крошечные

свежие порезы на лицах говорили о том, что не позднее, как сегодня, оба сбрили бороды и подровняли усы. Даже светлотой волос они походили друг на друга: у одного ярко белокурые, у другого – светло-русые, но до белизны выгоревшие на солнце, так что даже и проседь стала почти не заметна. Блондину было около тридцати. Морщины же на лице старшего выдавали, что ему уже, пожалуй, за пятьдесят. Из деревянного ведра с морской водой, стоявшего между их креслами, торчало горлышко бутылки рома.

– А вы знаете, Василий Мефодьевич, что в этих самых краях свои последние годы провёл Стивенсон, автор «Острова Сокровищ»? – спросил блондин по-русски, но с уловимым остзейским акцентом.

– Нет, никогда об этом не слышал, мой капитан, – ответил пожилой. – Однако, мне кажется, после того, что мы с вами перетерпели на море, полагается выпить брудершафт и сойтись покороче. Вы ещё не устали от русского обращения по имени-отчеству? Мне уже надоело величать вас «Федор Иванович»? Может, вы предпочитаете «Фридрих»? Или, может быть, уж лучше «Фриц»?

Молодой, которого назвали капитаном, убрал руки с затылка, ненадолго задумался и, со значением подняв вверх указательный палец, серьёзно произнёс:

– Если бы я в своё время поступил на русскую службу, то я остался бы для вас «Федор Иванович». В детстве меня звали Фриц. Сейчас по документам меня зовут Джон, и я твёрдо

решил стать американцем. Поэтому лучше называйте меня по-английски... Называйте меня Фред!

Пожилой расхохотался:

– Олрайт, Фред, ноу проблем!

– А как прикажете называть вас, Василий Мефодьевич?

Чтобы коротко, но без обид.

– По нынешним документам меня зовут Мишель. В детстве приятели меня звали Васькой, так ката. Моя бабка обряжала меня в раннем детстве в девчоночье платье и матросскую бескозырку, а родители боялись ей в этом перечить, так вот бабка назвала меня Кисой. Сейчас меня уже никто так не называет... Англичане меня называли Джек-на-все-руки. А раз так, то можете называть меня просто: Василий.

– Окей, Василий. Давайте выпьем за наше новое знакомство, – широко улыбнулся капитан и достал из ведра бутылку и две половинки кокосовой скорлупы, щедро плеснув в них рому. – Брудершафт, Василий?

– Брудершафт, Федя!

Над лагуной зажглись яркие звезды. Пустая бутылка из-под рома валялась на песке. Из ведра в звёздном свете сверкнуло горлышко уже другой.

– Помнишь, Василий, я начал тебе рассказывать про Стивенсона. Здесь все любят про него рассказывать. Он жил здесь с семьёй и умер тридцать пять лет назад. В его дом водят экскурсии. Я там был. Оказывается, у него были дере-

вянные зубы! Представляешь?!

– Свят, свят, свят! Неужто деревянные? А вот говорят: раньше корабли были деревянные, а люди на них железные, а теперь корабли стали железные, зато люди на них – картонные. Но это же не про нас с тобой? – собеседники понимающе переглянулись. – А ты «Остров сокровищ» хорошо помнишь?

– Конечно же! В первый раз я прочитал его по-русски, ещё когда был мальчиком. Потом я его перечитывал ещё пять раз. Потом я сам учил по нему английский язык. Я с детства хотел стать моряком. У нас в Риге мы живём рядом с морем. Там каждый хотел стать моряком! У нас в реальном училище многие хотели стать военными моряками. И немцы, и русские. А я не захотел. Я захотел стать свободным путешественником. И в конце концов я им стал!

– А я вот, представь, в детстве мечтал стать военным, а в итоге стал профессиональным кладоискателем. Веришь?

– Ты нашёл много кладов?

– Да уж, не один!

– И ты на этом разбогател?

– Нет.

– Вот! – Фред со значением поднял вверх указующий перст. – Ты знаешь, что я всегда сердился на Стивенсона за то, что он не написал, как они потратили деньги из клада, и что потом стало с каждым. Нам стало известно только, что моряк Грей приобрёл судно и стал капитаном, а Бен Ганн

всё пропил. А куда делись остальные деньги? Я хочу знать, что случилось дальше с капитаном, сквайром и доктором? И неужели Джим Гокинс остался всю жизнь простым трактирщиком? Я в это не верю! Если бы я застал здесь живого Стивенсона, я бы непременно об этом у него спросил!

– Ты слишком много хочешь от писателя, – рассмеялся пожилой. – То, чего ты требуешь, у скандинавов называлось бы сагой. Это совсем другой жанр. Там можно проследить судьбу каждого персонажа до седьмого колена, а при желании – и судьбу каждой монетки из клада. А Стивенсон просто говорит нам: погоня за сокровищами захватывающе интересна, но страсть обладания разрушает душу. Ну и ещё о том, что подобных приключениях трудно рассказывать честно.

– Это ты о чем?

– Видишь ли, мне в своё время приходилось вести следствие. Я профессионал в сыске, Федя. Я научился видеть противоречия в рассказах свидетелей и подсудимых. И мне очевидно, что Джим Гокинс преподносит нам выгодную ему версию событий, которая, по всей вероятности, далека от того, что случилось там на самом деле.

– Какие твои доказательства?

– Я не люблю без необходимости лишать людей милых их сердцу иллюзий. Поэтому предоставляю тебе право самому перечитать «Остров Сокровищ» в новом ракурсе. Не хочу лишать тебя удовольствия от собственных открытий.

Фред помолчал.

– Тогда, может быть, ты расскажешь о своих поисках кладов?

– Давай сперва ты. Как ты здесь оказался?

Среди звёзд на миг вспыхивали метеоры и тут же гасли.

Двое лежали на прибрежном песке и, глядя в Магеллановы Облака, пели «Степь да степь кругом», старательно выводя мелодию и распугивая этим копошащихся вокруг крабов. Допев последний куплет, блондин попросил:

– Ну а теперь, Василий, расскажи, наконец, как ты искал сокровища!

– Вот настоящие сокровища, Федя, – пожилой указал рукой вверх, – какого рожна тебе ещё надо?

– Нет, так не пойдёт! Ты обещал рассказать!

– Ладно, расскажу. А только вот сперва ответь мне, Федя, на такой вопрос: чьи были сокровища, которые откопал Джим Гокинс с компанией?

– Флинта, конечно!

– Флинт их нагребил и закопал. А по совести, Федя, кому они принадлежали?

– Ну, не знаю... Раньше, должно быть, испанцам и другим, кого ограбили...

– То-то, Федя! А испанцы их, вероятно, нагребали у индейцев, а индейцы – у других индейцев. По совести, сокровища всегда принадлежат ограбленным! Поэтому и счастья

присвоившему их не приносят. Об этом ваш германский эпос хорошо рассказывает. На свою беду Зигфрид и нибелунги находят клады. И клад убивает каждого, кто им завладевает.

– Ты в это веришь? Что на кладах лежит проклятие? Ты веришь в эту мистику? В нашем двадцатом веке?

– Я верю, что в этом есть высшая справедливость и закономерность, вполне логично объяснимая. «Не трожь чужого!» – это ведь не только статья "Уложения о наказаниях", это ещё и заповедь Божия. Бог о тебе же заботится, чтобы ты, во-первых, груз неподъёмный, который тебе не по силам, не поднял, не надорвался. А во-вторых, чтобы ты, груз тот поднявши, не успокоился, не возгордился, не перестал бы работать над собой, расти бы не перестал. Ибо только в трудах возрастает человек. А оставив труды, человек неизбежно загнивает, чахнет духовно и умирает для истинной жизни.

– А тогда для чего же ты искал клады, Василий?

– А иногда и не искал вовсе, они меня сами находили. А когда искал, то для того только, Федя, чтобы вернуть их законному владельцу.

Блондин наморщил лоб, задумался, а потом изрёк:

– Гокинс забрал у Флинта. Флинт ограбил испанцев. Испанцы ограбили индейцев. Индейцы ограбили других индейцев. Где ты найдешь законного владельца?

– По Божьему закону, Федя, кто создал, тот и владелец. А создают сокровища люди. Народ. Много поколений. Коро-

ток наш век, Федя! От родителей мы получаем наследство, а потом тщимся детям своим что-то свое оставить. Кто задумывается дальше? Какой смысл всю жизнь грешить и копить непременно для кровной родни? Ты дальше своих дедов родни никогда и в глаза не увидишь, а глубже – хотя бы до прадедов – только по бумагам. Да и то немногие заглянуть туда могут. Некоторых списки имен предков ищут, древа генеалогические составляют. А что те имена? Один звук немой! В пятом-шестом поколении мы все корнями перемешаны, как трава в куске дёрна. И образуем мы, Федя, между собой и вместе со всеми своими предками единый народ, коему по праву и принадлежит всё им созданное, в том числе и сокровища.

– Хорошо. Пусть всё принадлежит народу. Но распорядиться сокровищем кто-то должен? Кто, по-твоему, имеет такое право?

– Тут ты, Федя, в самый корень зришь! В том-то и закавыка! По головам-то сокровища на разделишь! А целиком представляют народ только управители. Без них народу никак! Управители народ организуют, на большие дела ведут, защищают... Но горе всё в том, что управителю легко впасть в лень и легкомыслие. Гнить правители быстро начинают, сильно быстрее, чем обычные люди, ибо трудиться перестают. А потому и сокровища, народу доставшиеся, расточают зря.

– Выходит, нельзя им отдавать сокровища!

– Я вот как думаю, Федя. Надо терпеливо дожидаться честного управителя, который не для себя, а для народа сокровищами сможет распорядиться. Причем именно тогда сокровища ему передать, когда он иначе, как на доброе дело, потратить их ни на что не сможет.

– И как ты к этому пришёл?

– Не сразу. Сперва я возвращал найденное тому, кому оно по человеческому закону принадлежало. Но попало мне однажды сокровище сверхчеловеческое. И я до сих пор им не распорядился. Не сумел. Ждёт оно своего часа.

– Ты ждешь, что в России появится честный правитель? Не дождешься!

– Верить в это надо, Федя. И надеяться. На это терпение надо. Мы, русские, терпеливы. Терпение всё преодолагает.

– А если, пока ты ждёшь, сокровища найдут другие? То, что ты узнал, другие могут узнать тоже. Вот Бен Ганн – выкопал сокровища без всякой карты.

– Самое смешное, Федя, что знают про него и другие, а только взять не могут – мешают друг другу. А того, кто попытается, словно дракон стерегущий сожрёт с хрустом. И ещё верю, что Божьим промыслом назначен я пока временным хранителем тому сокровищу. И за время жизни моей земной должен буду распорядиться. Только час тот пока не пробил.

– А если не дождешься?

– Придётся мне другого хранителя найти и ему тайну передать.

Оба надолго замолчали, потом молодой спросил:

– Так ты мог бы взять сокровище себе и ничего не взять?

– Отчего же ничего? – в голосе старшего мелькнула лукавинка. – За труды мои потраченные мне по совести какая-никакая компенсация да полагалась. Жалование и прогонные. Даже наградные я сам себе выписал. Это Божьему промыслу не помеха. Вот на эти-то наградные и путешествую с тобой.

Глаза молодого сверкнули в звёздном свете:

– Ну давай, рассказывай, как всё было!

– Ну, это долгая история, и у нас впереди много времени, предстоит долгое совместное плавание.

– Ну хотя бы начни!

– Ладно! Тогда начну о себе с самого начала. Родился я в семьдесят пятом году в Боровичском уезде Новгородской губернии... Про Миклухо-Маклая слышал? Знаешь, откуда он родом? Это совсем рядом со мной... – пожилой собеседник снова потерял нить повествования:

– А вот на хрена тебе сдалась Америка, Федя? Давай мы с тобой пойдём лучше на берег Маклая, а?

Небо сияло драгоценными россыпями. Оранжевые, жёлтые, голубые, зелёные крупные звёзды кружились и покачивались среди мелкой бриллиантовой пыли, жемчужных туманностей и галактик. Собственным серебряным светом сиял океан...

Москва, 20 июля 1924 года.

«Москва, тов. Арбузову.

...Сообщаю вам, что в ночь с 15 на 16 июля сего года на финско-советской границе нами обезврежена банда из четырёх опасных белогвардейцев-врангелевцев, идейных врагов Советской Власти. В результате допросов установлено: банда направлена штабом армии Врангеля из Франции. В Гельсингфорс прибыла на британском парусно-моторном судне. Члены группы получили задания совершать теракты, в числе которых взрывы водопровода и убийство партийных и советских работников, в частности, убийство любимого вождя петерского пролетариата тов. Зиновьева. Члены банды на допросе показали, что с ними в Гельсингфорс прибыл пятый диверсант. Имени его не знают. Он имел особое задание, которого они тоже не знают. Границу он должен был переходить отдельно от остальных. На границе пятый диверсант не обнаружен... Прошу произвести проверку по линии Треста...

С коммунистическим приветом...»

Арбузов ещё раз внимательно перечитал документ и взял трубку аппарата:

– Лугового пригласите ко мне, пожалуйста... Да-да, нового сотрудника. Он должен уже ждать в приёмной.

– Разрешите, товарищ Арбузов? – в дверь вошёл молодой человек среднего роста. Внешность его была настолько неприметна, что отвернись на секунду – сразу забудешь, как он выглядит.

– Садитесь, Михаил Яковлевич. У нас принято обращаться между собой по имени-отчеству, если вы не против. Как вам уже известно, вас направили на работу в контрразведывательный отдел секретного оперативного управления ОГПУ. Будете работать под моим непосредственным руководством. Вас уже ввели в курс дела в отношении Треста?

– Да, Артур Христианович.

– Тогда ознакомьтесь, пожалуйста, – Арбузов протянул сотруднику депешу, которую тот быстро пробежал глазами. – И учтите, что у меня таких запросов бывает по нескольку за неделю. И все требуют проверки. Наш источник в Эстонии сообщает, что англичане сейчас настойчиво ищут людей, которые занялись бы в России взрывом мостов, порчей водопроводов, диверсиями. И здесь, обратите внимание: британский след. Тресту пока как-то удастся сдерживать террористическую активность, но эта банда шла мимо Треста. Здесь нет не нашего дела. Трест должен оставаться единственным каналом эмигрантской антисоветской деятельности. Всё должно идти только через нас! Вот вы этим и займитесь. Постарайтесь найти этого террориста. И если не получится взять, то надо хотя бы скомпрометировать его в эмигрантских кругах. Ясно?

– Ясно, Артур Христианович. Разрешите идти?

Когда Луговой вышел из кабинета, Арбузов попытался вспомнить, как тот выглядел, и не смог.

Париж. 10 ноября 1924 года

В стёкла зашторенных окон загородного замка дробно стучал осенний дождь и налетали порывы штормового ветра. Ярко пылающий камин с трудом боролся с ноябрьским холодом. Парадную гостиную в стиле Людовика Шестнадцатого заливал яркий электрический свет. Пять кресел вначале были расставлены приблизительно в центре по кругу, но люди, которые в них уселись, невольно развернули их – два напротив трех остальных. Все сидящие в креслах когда-то имели генеральские чины. Несмотря на то, что у троих явно чувствовалась военная выправка, только один носил форму русского генерал-лейтенанта. Четверо остальных были в штатском: каждый в отлично пошитом парижском костюме. Переговоры давно уже перешли от официальных любезностей к обсуждению деловых вопросов. Военные важно помалкивали, пока двое штатских генералов вели напряженную дискуссию. Полный круглолицый в пенсне, чуть склонив голову, убеждал профессорским тоном:

– Господа, мы с вами условились, что на аудиенции у Его высочества мы не будем поднимать вопросов, вызывающих наши разногласия. Однако, это окажется невозможно, если мы с вами не урегулируем, хотя бы в принципе, главный вопрос: финансирование нашей дальнейшей деятельности.

– Александр Александрович, вы же должны понимать: этот вопрос нельзя, просто неприлично поднимать в присут-

ствии Его высочества...

– Тем не менее, Николай Борисович, я настаиваю: без решения главного вопроса мы не сдвинемся ни на йоту! Уж вас-то, барон, я думал, мне не нужно убеждать в важности...

– Александр Александрович, вы знаете, мы работаем над этим... По оценкам барона Врангеля, нам нужно, как минимум, двадцать пять миллионов долларов.

– Это авантюристическая, недопустимо заниженная оценка! По оценкам Треста на осуществление антибольшевистского переворота нам требуется сто миллионов долларов. Из них ещё до переворота половина должна оказаться в России. Из этой половины двадцать пять миллионов нам нужны срочно. Тогда мы можем обеспечить успех переворота через десять-одиннадцать месяцев.

– Мы работаем над этим. Мы ведём переговоры с британскими представителями и с американскими промышленниками. Переговоры проходят очень трудно. Все хотят гарантий на свои вложения в будущем и гарантий успеха в настоящем. Для них это обычный бизнес, а не священный долг, как для нас с вами. Но я питаю осторожный оптимизм, что мы сможем получить двадцать пять миллионов долларов от американцев в ближайшее время.

– Этого мало!

– Согласен с вами, Александр Александрович. Кроме того, у них есть важное и трудное для нас условие: они требуют, чтобы мы вложились в равных долях.

– Это означает, барон, что мы должны добыть ещё двадцать пять миллионов сами? Как вы это себе представляете?

– Может быть Трест... так сказать, изнутри...?

– Мне кажется, вы забываете, барон, в каких условиях существуют сейчас русские люди в Советской России, – заговорил генерал в штатском, сидящий рядом с Александром Александровичем. – А вот у многих русских людей, оказавшихся за границей, остались значительные капиталы. Многие вывезли с собой драгоценности, произведения искусства... Это десятки, если не сотни миллионов долларов.

Двое сидящих рядом с бароном переглянулись, а генерал-лейтенант виртуозно матерно выругался. Затем извинился, нимало, однако, не смутившись:

– Простите, господа, не сдержался. Гусарская привычка.

– Господа, господа, – Александр Александрович обратился ко всем собравшимся, – я уверен, Николай Михайлович не имел в виду ни вас конкретно, ни большинство ваших сослуживцев. Однако, я считаю, что он прав. Надо искать средства среди своих. Верноподданные не должны отказать Великому князю, будущему императору.

– Мне кажется, вы, господа, забываете, среди кого живете, – высказался генерал в штатском, сидящий рядом с бароном, – давайте станем реалистами. Никто нам денег добровольно не даст. Однако, – здесь он сделал значительную паузу, – однако, они легко могут отдать нам в руки то, что считают для себя уже пропавшим.

– Что вы имеете в виду, Евгений Константинович? – заявление явно было воспринято с интересом всеми. – Ну не томите, генерал!

– Я имею в виду «Земельный банк»! «Земельный банк» должен стать темой самой плодотворного нашего сотрудничества с Трестом. У вас есть доступ к сейфам, а у нас здесь есть ключи. Остаётся наладить дело, поставить на твёрдую, не побоюсь этого слова, уж простите меня, Николай Борисович, промышленную основу. Я верю, что, объединив наши усилия, мы, таким образом, будем в состоянии добыть несчастные двадцать пять миллионов, которые в свою очередь послужат гарантией дальнейших вложений в наше общее дело.

Александр Александрович и Николай Михайлович переглянулись и утвердительно кивнули.

– Евгений Константинович, вы можете привести примеры успешных случаев, так сказать, изъятия вкладов из «Земельного банка»?

– Да, такие случаи есть. Мы провели исследование отдельных успешных инициативных проектов и приняли решение впредь взять эту деятельность под свой патронаж. Нами в настоящее время осуществляется целенаправленный сбор и анализ сведений, могущих представлять интерес. Что же касается собственно изъятия, то здесь у нас опыт пока не большой. Но мы надеемся, что с помощью Треста мы организуем изъятие и переправку ценностей через границу в существен-

но больших масштабах. Я полагаю, конкретные технические детали мы обсудим после, на нашем следующем заседании.

Все присутствующие удовлетворённо кивнули, и слово взял Александр Александрович:

– Я полагаю, господа, что сегодня мы достигли согласия по очень важному пункту нашего сотрудничества. И перед тем, как прервать наше заседание, я в очередной раз призываю вас, господа, сосредоточиться на кропотливой повседневной работе по подготовке антибольшевистского переворота. И в очередной раз призываю вас отказаться от растраты сил на громкие, внешне эффектные, а на самом деле чрезвычайно вредные для нашего общего дела террористические акты. Кстати, нам немало крови испортил шум, поднятый из-за взятой чекистами диверсионной группы в июле этого года в Петрограде. Вы нарушаете этим налаженную нами спокойную деятельность ради внешних эффектов. Кто и зачем их туда послал, кто-нибудь из вас в курсе дела?

– Да, я в курсе, – несколько смущённо проговорил Евгений Константинович. – Это была самодеятельность Кутепова. Эти четверо так жаждали борьбы с Советами, что мы сочли за лучшее отпустить их. А судно, оружие и взрывчатку предоставляли англичане, так что мы на это ни копейки не потратили.

– Но, по нашим сведениям, там был и пятый?

– А вот это был как раз мой человек, – самодовольно заявил Евгений Константинович. – Это я его внедрил на ан-

глийское судно. Бывший служащий моего департамента. Мастер своего дела. Чрезвычайно ловок! Сумел уйти от преследования и выполнил моё задание. И успокойтесь, господа, никаких терактов! Представьте, это дело было как раз по линии «Земельного банка». Он сейчас служит у меня и занимается именно этим направлением. Фигурально выражаясь, ищет здесь ключи от сейфов, которые находятся на той стороне.

– В таком случае, нам было бы крайне интересно с ним познакомиться. Вы сможете это быстро организовать? Через пять дней, пятнадцатого ноября нам уже нужно быть в Москве...

Еврипид

*«О Эсонид! не сердись на меня, если по неразумью
Так я впал в заблужденье! Я сам огорчен и
немало*

*Дерзкою той и несдержанной речью. Но бросим
на ветер*

*Эту ошибку и будем опять как прежде
друзьями!»*

Москва. Май 1924 года.

Резко щёлкнул стенной выключатель. Вместо бледного лунного света кухню залил яркий электрический. Над стоящей на плите кастрюлей склонился мужчина, одетый в синеватые кальсоны и такового же цвета фланелевую фуфайку. У него изо рта свисали полоски капусты, а по подбородку стекали розовые капли. Виноватые глаза уставились на жену, возникшую в дверном проёме.

– Почему ты не спишь, Миша? Зачем ты ешь холодный борщ, да ещё тайком по ночам? Это по меньшей мере некрасиво!

– Прости, Люба, мне не спится, – жалобно, извиняющимся голосом проговорил мужчина, – чертовщина всякая в голову лезет. Боюсь опять сорваться. А еда мне помогает держаться.

– Если помогает, ешь! – решительно приказала жена и до-

бавила уже мягче:

– Кушай, кушай на здоровье! Хочешь, я тебе разогрею?

Жена метнулась к керосинке, но он жестом остановил ее, положил на стол ложку и закрыл кастрюлю крышкой. Глядя куда-то мимо, он задумчиво начал рассказывать:

– Я говорил тебе, мне вчера поручили написать очерк о присяге красноармейцев. Так вот. Я вчера был на Красной площади. У самого Кремля возле мавзолея Ленина шеренги красноармейцев присягали на верность новому строю. Кажется, они были из чекистской дивизии. Маршировали они, конечно, не так, как прежние юнкера, но уже почти. Потом они читали текст присяги: «Я, сын трудового народа, ...». Повторяли, повторяли, повторяли... Казалось, это будет продолжаться бесконечно. И эта фраза стала звенеть у меня в ушах, как колокол. Но только вместо неё мне упорно слышалось: «Ясон трудового народа, Ясон трудового народа...». И стало мне казаться, что на них вместо форменных богатырок надеты греческие гребнистые шлемы, а вместо винтовок в руках – копья. Потом мне показалось, что я и сам тоже древний грек, и зовут меня Еврипид. У меня чересчур разыгралось воображение. Снова начала чудиться всякая чертовщина. Я испугался.

– Всё будет хорошо, Миша. Пойдем спать. Я тебя обниму, ты заснешь, и всё будет хорошо, – женщина подошла и погладила его по волосам. – Ты талантливее любого Еврипида, я в это верю.

Он смотрел мимо неё в пространство:

– А сейчас, Люба, я ночью проснулся, и в ушах у меня опять звенит: «Ясон из народа, Ясон из народа...». Потом буквы сами собой переставились по-другому и получилось: «А зря, но надо». А потом ещё по-другому: «Одна, но заря». А потом: «Заря, но дно!». И мне подумалось: «Заря – это Денница... уж не про Люцифера ли это всё, который меня постоянно преследует?» И мне вдруг так страшно стало, что я пошёл в кухню есть.

Жена ненадолго задумалась, а потом улыбнулась:

– Мишенька, а если ты переставишь буквы по-другому, и получится «ноздря», что означает то самое место, из которой ты вечно выковыриваешь свои словесные выкрутасы. Пойдём спать, Еврипид ты мой!

Они вместе засмеялись и в обнимку двинулись из кухни в комнату.

Океан. Февраль 1929 года.

Тихий ветер почти не двигал крошечное судно. Молодой капитан без особого успеха пытался колдовать с безжизненно обвисшим парусом. Пожилой исполнял роль кока и потрошил выпрыгнувших на палубу летучих рыб.

– Так, на чём это я в прошлый раз остановился? Да, про Миклухо-Маклая... А ещё Римский-Корсаков тоже мой земляк. Слышал арию? «Не счесть алмазов в каменных пещерах...», – пожилой запел было, но зафальшивил, прокашлял-

ся и умолк. – Индийский гость, наверное, в кладях толк знал, как думаешь, Федя? А ещё Римский-Корсаков тоже моряком был, может, по этим самым морям и ходил?

– В Тихом Океане есть атолл Римского-Корсакова, только на английских картах он называется по-другому.

– Это другой Римский-Корсаков... А ещё Суворов – тоже мой земляк. А ты знаешь, что здесь в этом самом океане недалеко от нас есть атолл Суворова? Миль эдак пятьсот, не больше. Может, завернём туда по дороге? Крюк-то не большой.

– Ты обещал про себя рассказывать, вот и рассказывай про себя, а не про Суворова.

– Я и пытаюсь... Самому про себя трудно рассказывать. Непривычно. Я же не писатель... Вот Суворов – воевал, но про себя только письма писал. Книги про него писали другие. А если бы он книги писал, то никогда бы хорошо воевать не смог. Уж больно разные это занятия: либо живи интересно, либо рассказывай интересно. И про меня должны бы лучше другие рассказывать, им со стороны виднее. Или ещё лучше – настоящие писатели. Правда, эти всё на свете переиначат, по-честному никак у них не получается. И вот веришь ли, Федя, что про меня настоящую книжку написали!

– Не верю!

– И напрасно! Написали. Правда-правда! Там, конечно, всё не так, как было на самом деле, но и моя фигура там

вполне узнаваема, хотя и несколько комична.

– Ты знаешь автора? Кто он?

– Представь себе, нет. И понятия не имею, откуда им стало известно обо мне. А откуда Гомер или Еврипид узнавали о своих героях? Мы уже не узнаем никогда. Впрочем, одну версию имею ...

Летучая рыба выпрыгнула на борт, отчаянно забилась на палубе, была ловко подхвачена за хвост и мгновенно лишилась головы.

Москва. Ноябрь 1924 года.

– Миша, милый, успокойся! Всё хорошо! Это только сон! Сон! Просто ночной кошмар!

– Сон... Страшный... Иван Грозный... хотел отрубить мне голову.

– Чтобы сон не сбылся, его нужно непременно кому-то рассказать. Давай, рассказывай! – жена погладила писателя по голове, стирая у него со лба капли холодного пота.

– Мне привиделся во сне Иван Грозный. Ходит по нашему дому и жильцов одного за другим убивает. Встретил меня и тоже хотел голову отрубить. А потом говорит: «Не трожь мои сокровища, но привези мне синодик, куда я убиенных вписывал. Мне надо им всем долги вернуть!»

– Ходят слухи, что большевики в Кремле ищут сокровища царей. Говорили про библиотеку Ивана Грозного. Ты же сам мне и рассказывал! Вот и весь твой сон.

– Да-да, конечно, только сон. А ты знаешь, Люба, в чём прелесть писательства?

– И в чём же?

– Все свои безумные страхи, кошмары писатель может изложить на бумаге и скормить читателям. Только так я избавляюсь от своих чертей. Просто записываю на бумагу, и тогда эти черти перестают меня донимать.

– Теперь придется тебе написать про Ивана Грозного! – серьёзно сказала жена.

– Вот ещё! Это же не моя тема! – фыркнул писатель.

– Мишенька, ты безумно талантлив, ты справишься с любой темой, – жена гладила писателя по голове, – только умоляю тебя: будь осторожен в разговорах со знакомыми! О большевиках и их вождах – как о мёртвых: либо хорошо, либо ничего!

– Кроме правды, – упрямо тряхнул чубом писатель.

– Миша! – в голосе жены зазвучала сталь. – Даже не вздумай! Это очень опасно!

Москва. Ноябрь 1924 года.

«Тов. Арбузов,

Сообщаю Вам полученные сведения о пятом члене банды, ликвидированной 15 июля на финской границе... Воробьёв Василий Мефодьевич, бывший титулярный советник, бывший сотрудник департамента полиции в Петербурге. Отличный стрелок: неоднократно получал призы за стрельбу.

Может быть очень опасен при задержании. Близок к службе контрразведки штаба армии барона Врангеля. Предположительно в настоящее время занимается вопросами финансирования Белого движения, конкретно – монархического крыла, близкого к бывшему Великому князю Николаю Николаевичу Романову. В настоящее время находится в Париже. Взят под наблюдение...»

Арбузов прочитал записку, обмакнул перо в чернильницу и написал на полях: «Луговому. К сведению». Затем отложил в стопку на правый край стола, что-то вспомнил и поднял трубку:

– Пригласите ко мне, пожалуйста, писателя... Да-да, которого доставили сейчас. И без конвоя, пожалуйста.

На пороге кабинета появился напряжённый и ссутулившийся человек, лет около тридцати. Во внешности его было нечто аристократическое: прямой античный нос, слегка волнистые волосы спадали на лоб небольшим чубом, из-под которого напряжённо глядели большие глаза. «Какое породистое лицо», – подумалось Арбузову.

Вошедший окинул взглядом кабинет с голыми крашеными стенами, чёрное окно без штор, два стола – для хозяина кабинета и для стенографиста, простые жёсткие стулья, очевидно, для них же, и одинокий табурет напротив стола, очевидно, для посетителя.

– Здравствуйте, Михаил Аристархович! Очень приятно познакомиться с настоящим писателем! Меня зовут Артур

Христианович.

Вошедший с горькой иронией взглянул на табурет и со вздохом сел:

– Здравствуйте, Артур Христианович. К сожалению, я со своей стороны пока не могу сказать, что очень рад нашему знакомству.

– И совершенно напрасно! – укорил хозяин кабинета. – Ведь я сейчас спасаю вас неминуемой гибели.

Писатель сделал непонимающий вид. Арбузов, тяжело вздохнув, продолжил:

– Михаил Аристархович, скажите, за что вы так обижены на Советскую Власть?

Писатель сердито нахохлился:

– Я вовсе не обижен на Советскую Власть! С чего вы взяли? Я искренне считаю, что Россия сейчас – самая свободная для творчества страна... – писатель взглянул в насмешливые глаза Арбузова и сник. – Пожалуй, да... Вы отчасти правы... Я просто несколько раздражён бытовыми трудностями, но не более того!

– Зачем же вы вступили в монархическую организацию?

– Я никуда не вступал! – вскричал писатель.

– Нам стало известно, что вы посещали заседания заговорщиков. Это было... – Арбузов открыл папку и стал перебирать листы.

– Да... я признаю, – опустил голову писатель, потом вскинулся и торопливо продолжил, – я был там, но только на од-

ном заседании. И я никуда не вступал! И потом, разве это заговорщики? Это просто несчастные люди, живущие иллюзиями. Над ними можно только смеяться или плакать. Лично мне их жаль. Но в любом случае я не стану на них доносить!

– Мы и не требуем от вас ни на кого доносить. Все, кто там был, нам давным-давно известны. Как вы сами понимаете, о вашем там присутствии они сами же нам и донесли, – Арбузов издала показал писателю пачку рукописных листов, исписанных разными чернилами и разными почерками.

– Это была ваша провокация? – на лице писателя отразилось презрение.

Арбузов встал и несколько раз прошёлся по кабинету, потом остановился, глядя в чёрное окно.

– Поверьте, Михаил Аристархович, мы боремся с очень опасными врагами. Наши методы... – Арбузов долго пытался подобрать слова, – методы... разные. И мы всегда стараемся оградить от беды случайных или запутавшихся людей. Например, как в вашем случае. Мне было бы очень жаль, если бы ваш талант ушёл в небытие из-за одной такой досадной вашей ошибки. Кто вас туда привёл?

– Это даже не ошибка... Это всё моё любопытство. Я писатель... Мне нужно чувствовать людей... Самых разных... И этих тоже...

– Вас туда пригласил Блендер?

– Да, – писатель глядел в пол. Арбузов вернулся на свое место за столом.

– Кто он по-вашему?

– Жулик, но... – писатель по-детски улыбнулся, – но он очень обаятельный человек.

– Как вы с ним познакомились?

– Мы с ним встречались раньше несколько раз. В Киеве при Директории, потом в армии у Деникина, потом как-то раз в Москве, уже после войны.

– Зачем он вас пригласил на сборище?

– Понимаете, это замышлялось как шутка. Он позвал разыграть спектакль. Так и сказал: спектакль. Знал, что я не равнодушен к театру... Говорил, Миша, ты же актёр в душе...

– Какую роль в этом спектакле он отвёл вам?

– Он предложил представить меня важным эмигрантом с той стороны. Я мог бы рассказать им парижские новости, выдуманные, конечно же. Но больше мне полагалось важно молчать... Это было... вроде «Ревизора». Хлестаковщина. Они сами должны были всё для себя домыслить... А он пока собирал с них взносы за спектакль... Он говорил, что мы показываем им спектакль, как замышлялось у Мейерхольда, знаете, когда действие переносится в зрительный зал. И касса тоже переносится... Он так говорил о театре, что меня тогда совершенно увлёк... Это был какой-то гипноз...

– Я вас понимаю. И верю, что вы действовали из благородных побуждений. Вы творческий человек и просто немного заигрались в своём воображении. А вы знаете, Михаил Ари-

стархович, у меня есть идея, как можно помочь этим обманутым людям. Не убеждённым врагам, а тем, кто, оступившись, случайно пошёл скользкой дорогой. Или лишь собирается пойти. И я хотел бы просить в этом вашей помощи.

– Я вас не понимаю? – насторожился писатель.

– Нужно рассказать людям правду! Вы же писатель! Покажите их самим себе в их истинном смешном облики. Смех – могучее оружие. Смех разрушал могучие основы старого общества. Человечество расстаётся со своим прошлым смеясь.

– Это ваше задание? – в голосе писателя послышалась подозрительность.

– Это пожелание, – Арбузов выделил слово «пожелание» и глянул прямо в глаза писателю. – Мы не собираемся вас преследовать за случайные ошибки и со своей стороны гарантируем вам полную свободу творчества. Вы же, понятное дело, не собираетесь клеветать на Советскую Власть?

– Я никогда не хотел ни на кого клеветать. Просто у меня бывает зло перо, и меня иногда заносит дальше, чем следует...

– Вот и отлично, – улыбнулся Арбузов, – обещайте мне больше не посещать антисоветских сборищ и не участвовать во враждебных организациях.

– Не буду! – искренне пообещал писатель.

– Вот и договорились, – снова улыбнулся Арбузов, – вашего слова мне вполне достаточно. Сейчас я подпишу вам

пропуск, и вы можете быть свободны.

Арбузов обмакнул перо и подписал бумагу. Подождал, пока высохнут чернила, встал из-за стола и протянул писателю руку:

– До свидания, Михаил Аристархович! А я всё-таки очень рад был с вами познакомиться, невзирая даже на такие... обстоятельства!

– До свидания, Артур Христианович! – писатель улыбнулся, крепко с благодарностью пожал протянутую руку, взял пропуск и вышел из кабинета.

Арбузов вновь поднял трубку:

– Блендер ещё не просился на допрос?.. Нет-нет, не надо... Только когда сам созреет, тогда давайте... Да, тогда его сразу ко мне.

СЫЩИК

*Мне Ясон любезен давно: с тех пор, как когда-то,
В прежние дни в речном половодье близ устья
Анавра,
Он повстречался мне, людей проверяющий
честность.*

Ленинград. Декабрь 1924 года.

Город был чужой и враждебный, словно злился на второе переименование, ведь имя Вождя Революции к нему совершенно не подходило. Луговой в зимнем пальто с барашковым воротником и в барашковой шапке шёл по Литейному, высматривая нужный номер дома. Навстречу ему со стороны Невы мела декабрьская выюга.

Парадная оказалась заперта. Луговой свернул в подворотню, низко наклонившись, едва протиснулся в маленькую входную дверь под низким козырьком. Поднялся на третий этаж по крутой чёрной лестнице и нажал на кнопку дверного звонка. Электрический звонок не отзывался. Молодой человек настойчиво постучал в дверь. Ему открыла баба, укутанная в платок.

– Мне нужен Лукашевич.

– К Лукашевичу стучать четыре раза, – зло проворчала баба. – Вон его дверь в конце коридора.

Тёмный коридор пропах кислой капустой. Вдоль стен бы-

ли сложены какие-то деревянные обломки, очевидно, предназначенные на дрова. Головой и плечами задевая сохнувшее на верёвках бельё, Луговой прошёл до последней комнаты и постучал в высокую двустворчатую дверь, изуродованную грубо врезанным замком:

– Разрешите, Николай Александрович?

Не дожидаясь ответа, он вошёл. Комната осталась со старого времени почти в целости. Очевидно, раньше она служила кабинетом. Шторы и портьеры были на месте, ковры, мебель и паркет, стёкла на высоких окнах – всё сохранилось. С фотографий на стенах смотрели благородные лица, фигуры в мундирах с орденами. О новых временах напоминали только буржуйка у окна и сложенная возле неё маленькая поленица. Старик в домашних валенках, укутанный в плед и меховую безрукавку, поднялся навстречу гостю из большого мягкого кресла, отложил плед и книгу, которую только что читал, выпрямился и чётко поставленным голосом спросил:

– Чем могу служить?

– Здравствуйте. Я за консультацией к вам, Николай Александрович. Я из ОГПУ. Меня зовут Михаил Яковлевич, – Луговой предъявил бумагу. Старик, откинув подальше голову, внимательно изучил документ из рук Лугового, потом поставил стул напротив своего кресла и молча указал на него, а сам сел в своё кресло с ожидающим видом:

– Из ОГПУ ко мне первый раз. Я всё больше уголовный розыск консультирую...

– Нас интересует ваш бывший сослуживец: титулярный советник Василий Мефодьевич Воробьёв. Расскажите о нём.

– Вы справлялись о нём в архивах?

– Архивы полицейского ведомства, как вы знаете, уничтожены в первые же дни Революции. Поэтому, мы и вынуждены постоянно прибегать к вашей помощи.

– Я согласился проконсультировать вас в поисках настоящих преступников – уголовных элементов. Я полагаю, с этой точки зрения господин Воробьёв вас никак не может заинтересовать. Впрочем, и политическую полицию он так же вряд ли может заинтересовать, ибо никогда политической деятельностью не занимался. И если он ещё жив, а у него в своё время обнаружилась какая-то серьёзная болезнь, кажется, что-то с почками, так вот, если он ещё жив, то наверняка находится за пределами Советской России. Он уехал на лечение ещё до революции. И учитывая обстоятельства нашей нерадостной действительности, вряд ли он возвратится.

– Гражданин Лукашевич, – сурово прервал его Луговой, – предоставьте нам решать, кто нас может заинтересовать, а кто не может. А на ваше первое заявление могу вам ответить, что господин Воробьёв подозревается в незаконном пересечении границы и незаконном пребывании на территории Советского государства.

– Как это – «подозревается в пребывании»? Он задержан?

– Нет. Но у нас появились сведения, что летом этого года он нелегально приезжал в Советскую Россию с неизвест-

ными целями. На ваше второе заявление отвечаю вам, что господин Воробьёв, по нашим сведениям, занимает важное положение в эмигрантских кругах, враждебных Советской Власти. Его называют особой, приближённой к бывшему Великому князю Николаю Николаевичу Романову.

Лукашевич заливисто расхохотался:

– Вася Воробьёв, титулярный советник – особа, приближённая к императору? Товарищи чекисты, кто-то сыграл над вами шутку. Василий Мефодьевич всегда сторонился и политики, и Двора, как чёрт ладана. Должно быть, вы перепутали его с кем-то.

– Вот и хорошо, Николай Александрович, – улыбнулся чекист, – расскажите мне про настоящего Воробьёва, и мы развеём наши заблуждения, а потом вместе посмеёмся.

Лукашевич ненадолго задумался и стал рассказывать:

– Итак, Воробьёв Василий Мефодьевич. Я знал его по службе в департаменте. У нас были приятельские отношения. Приятельские, но не более. Когда он поступил к нам на службу, ему было уже за тридцать. После первой революции у нас тогда множество вакансий открыли, поняли, что полиция не справляется. Он перешёл к нам из какого-то другого ведомства, а по молодости, вроде бы был он когда-то и на военной службе, но пришлось ему с той службы уйти. Тёмная история. Он сам об этом не говорил, а я не спрашивал. Вообще, в полицию военных охотно бы брали, только много желающих не было. И вообще, образованных людей в поли-

цию калачом не заманишь. А Воробьёв сам пришёл.

– И чем он занимался?

– Сыском. В самом прямом смысле, сыском. Талант у него был в сыске вещей.

– А подробнее?

– Подробнее... – Лукашевич задумался. – Вы же знаете, какими методами у нас велось следствие? И у вас, думаю, методы не сильно изменились... Находят подозреваемого и начинают его бить... Тут-то всё и раскрывается. Но бывает и так: нет ещё ни одного подозреваемого, или не того подозреваемого взяли, или того взяли, но бить его нельзя – из важных или высокопоставленных... А спрятанное кровь из носу нужно найти. Вот тут всегда звали Василия Воробьёва. Я уже говорил, талант у него на эти дела от Бога! Находил спрятанное там, где никто и не думал искать. В какой ножке стола смотреть, какой кирпич из печки нужно вынуть, какую половицу приподнять, в какую книжку заглянуть... Это он словно собачьим нюхом чуял... И ещё... Полицейским, бывает, много чего к рукам прилипает... А этот честен был до щепетильности. Всё найденное всегда сдавал строго. Мне он как-то сказал, что если он станет утаивать найденное, то и дар его пропадет! Верил он в это... Да-с...

Океан. Февраль 1929 года.

Ветер совсем стих. Поверхность океана была, как зеркало. Капитан украдкой скрёб ногтями по штагу, вызывая лу-

кавую усмешку напарника. Древняя магия никак ни хотела работать.

– Вот ты, Федя, давеча издевался надо мной: дескать, двадцатый век на дворе, а я верю во всякую свою смешную мистику.

– В борьбе со стихией, хороши любые средства, – словно оправдываясь, ответил капитан.

– Ну не знаю, мистика это или нет, но бывает, нет чему-то разумного объяснения, хоть убей. Вот про себя скажу. Хочешь верь, хочешь нет, а почувал я в себе дар разыскивать спрятанное.

Пожилой напарник достал спиртовку, разжёл её и стал поджаривать рыбу на маленькой сковородке, продолжая рассказ.

– Мальчишкой я ещё был. В деревне у нас случай произошёл: один крестьянин богатый головой малость тронулся. А потом у него ещё вдобавок удар случился – ноги отнялись. Копил он когда-то деньги, а в помрачённом рассудке всё перепрятал и сам позабыл куда. Семья весь дом перерыла, хлев, сарай – нету ничего. За огород уже принялись. А я захожу к ним на двор и запросто вынимаю из-за поленницы свёрток с деньгами. Прихожу в дом, говорю – вот. Как ты нашёл, спрашивают. А я не знаю, что и ответить. Объяснил так: дом перерыли, значит, дома нет. В огороде закапывать хлопотно, да и видно было бы свежеразрытое. А на дворе – поленница. Старые дрова в ней ещё с прошлого года всегда

остаются, а в самом низу – у земли – год от года самые старые копятя, и никто их не трогает. Вот и место хорошее, где прятать. А на самом деле, я ничего этого не думал ещё, когда за свертком полез.

Капитан заворуженно глядел, как кок переворачивает куски рыбы на сковородке, и внимал рассказу.

– Другой раз. Тёща моя очень меня не любила. Так она перед смертью бриллианты свои, чтобы мне не достались, зашила в диванный валик. Я после уже смотрю, и взгляд мой всё время к валику на диване обращается, сам не знаю отчего. Потом смотрю: к чему бы возле окна прямо в обои иголка воткнута? И нитка на ней необычного цвета. Потом углядел шов на диванной подушке, где раньше не было. Распорол... Да... Так вот...

– По молодости я много чем разным занимался. Но позвал меня мой дар в полицию служить. Решил я, что должен дар свой на пользу обратить. В седьмом году перевёлся на службу в сыскное. Чин малый, жалование ничтожное, зато всё время при деле. У жены имение было и квартира в Петербурге своя. Так что, жили мы безбедно.

Кок ненадолго замолчал, вспоминая, потом покачал головой и рассмеялся:

– И чего я только не находил! Оружие, динамит, деньги спрятанные, драгоценности ворованные, документы секретные... Революционную типографию раз нашёл. Ну и наградные мне хорошие платили за найденное...

Кок вывалил в миску первую порцию поджаренной рыбы, выложил на сковородку следующую и замолчал, задулавшись.

– А что было потом? – не выдержал капитан.

– Потом понял я, что всё это суета, и занятия мои суть ничтожные. Страна катится в пропасть. Верхушка занята не служением государству, а только собой. Я вблизи на них насмотрелся: и на придворных, и на важных чиновников и генералов... В народе ненависть лютая к ним зрела. Опять можно, как в пятом году, под раздачу попасть. Ещё чувствовалось, что война скоро будет. Рухнет тогда всё. Всё ясно мне стало, как Божий день. Первую революцию ещё помнили, ясно было, что второй не пережить. И жена у меня умерла... Семьи не осталось. Казалось, ничто больше не держит...

Кок некоторое время молча переворачивал шипящие куски рыбы, потом снова заговорил:

– И вот решил я спастись. В одиночку. Имение, которое от жены осталось, продал. И квартиру продал, жил на съемной. Успел всё продать выгодно, ещё до войны. Повезло. Деньги вложил в золото и отправил в банк во Францию. Изобразил болезнь и отправился якобы на лечение за границу. Слухи обо мне пошли, что я все деньги в Париже с девками прокутил. Я эти слухи опровергать не стал, даже поддакивал. До пенсии срок ещё выслуживал. Потом подал прошение об отставке по болезни. Вышел в отставку в шестнадцатом году и успел выехать в Париж.

Фред неподвижно глядел куда-то на горизонт:

– Я уехал из Риги в январе пятнадцатого года. Я уезжал тайком. Я нанялся матросом на шведский пароход. Только в девятнадцатом году я оказался в Англии. Я просто не хотел служить русским. И немцам я тоже не хотел служить. И вообще я не хотел никому служить. И незачем мне было умирать на чужой войне. А ещё я хотел повидать свет.

Кок в ответ только вздохнул:

– Тот, кто ничему не служит, никому и не нужен... Чему-то служить так или иначе всё равно надо...

Сын Турка

*Не остались в Алопе и хитроумные дети
Бога Гермеса, искусные в кознях.*

Москва. Ноябрь 1924 года.

Арбузов развернул от себя электрическую лампу, ярко осветив своего визави, и оценивающе окинул его взглядом. Через стол перед ним, нога на ногу, сидел на табурете жгучий брюнет лет двадцати пяти. В свободе и раскованности позы, которую он ухитрился принять, сидя на неудобном табурете без спинки, было что-то невероятное. По-южному смуглое лицо заросло многодневной чёрной щетиной. Черты лица отличались классической правильностью. В антрацитовых глазах сверкали весёлые искорки. Одет брюнет был не без некоторого шика, почти по-нэпмански: костюм тройка, правда, уже поношенный, и лаковые туфли. Только воротничок манишки и манжеты засалились до неприличия.

– Я не понимаю, откуда у вас столько оптимизма и веселья, гражданин Блендер?

– Зачем, зачем, любить, гражданин следовательно, зачем, зачем страдать? Не лучше ль вольным быть и песни распевать, – пропел брюнет и широко улыбнулся. – Ну не повезло мне. Бывает. Виноват. Каюсь. Готов понести. Заслуженное. Но прошу снисхождения у господ присяжных.

– А почему вы считаете, что заслуживаете снисхождения?

– Во-первых, за своё пролетарское происхождение. И потом... Да, я совершал не совсем благородные поступки. Да, господа присяжные, бывало, я обманывал доверие граждан. Но каких граждан? Это были социально чуждые элементы, можно сказать, скрытые враги Советской Власти. Я наказывал их за нелояльность новому строю, лишая их некоторого количества денежных знаков. Разве это так плохо? Господа присяжные заседатели?

– И что мне прикажете с вами делать, гражданин Блендер?

– Отпустите меня, гражданин следователь. Пусть в шутках и цветах сон жизни пролетит, пусть песня на устах свободная журчит!

– Шутить изволите, гражданин Блендер. А вы знаете, какое обвинение вам может быть предъявлено?

– Я ещё не совсем твёрдо знаю новый кодекс... Вероятно, мелкое мошенничество или что-то в этом роде?

– Нет, ошибаетесь, гражданин Блендер, мы мелким не занимаемся. Мы – ОГПУ, а не милиция. Осознайте разницу. И обвиняетесь вы в создании тайной контрреволюционной антисоветской организации. И светит вам высшая мера социальной защиты – расстрел.

Лицо Блендера вдруг из оливкового стало серым, черты лица исказились. Он внезапно сидя выпрямился, словно хотел привстать с табурета.

– Как же так, отец родной, гражданин следователь, это же

шутка была! – голос внезапно осип. – Цена ей двадцать червонцев.

– Очень жаль, гражданин Блендер, но в нашей организации плохо понимают шутки, – Арбузов говорил очень тихо, но внятно.

Губы Блендера задрожали, взгляд сделался затравленным:

– Что же... что же мне делать?

Арбузов выдержал долгую паузу. Когда Блендер казался уже на грани обморока, Арбузов заговорил, в голосе его зазвенел металл:

– Слушайте меня, Блендер! Я могу отправить вас в подвал прямо сейчас. Если вы этого не хотите, я скажу вам, что вы можете попытаться сделать.

– Я всё сделаю! – прошептал Блендер. Его била крупная дрожь.

– Во-первых, вы должны написать о себе всю правду. Всю! Начиная с того, как вы писались в штаны в раннем детстве. Всё! И очень подробно!

– Я напишу... – прошептал Блендер.

– Во-вторых, объясните мне, тоже письменно, пожалуйста, почему нам не надо вас расстреливать. Ещё раз: почему нам не надо, а не вам! В ваших жизненных интересах, постараться меня убедить. Вам ясно?

– Ясно, – пробормотал Блендер, опустив глаза.

Спустя три недели они встретились в том же кабинете. На

этот раз Блендер был чисто, до синевы, выбрит. Лицо его было серьёзно. Стоял он перед столом скромно, без малейших признаков прежней развязности.

– Здравствуйте, Андрей Соломонович, садитесь пожалуйста, – Арбузов развязал завязки на папке и достал оттуда ворох рукописных листов.

Блендер осторожно присел на табурет.

– «Я, Андрей Соломонович Блендер 1899 года рождения, согласно метрике Андреас Блендер, сын Солона и Елены Калотраки, грек, из семьи греков, переселившихся в Россию. Сирота с детства: семья погибла в шторм во время торгового рейса. Фамилию Блендер получил по приёмному родителю Блендеру Дмитрию Александровичу (Якову Израилевичу), из одесских мещан...» Тут у вас целый интернационал... А ещё говорят, греки и евреи терпеть друг друга не могут!

– Сказано в Писании: несть еллина и иудея. А есть одни пролетарии и буржуи, – осторожно пошутил Блендер, поймал внимательный взгляд Арбузова и опустил глаза в пол.

– Из мещан... А в другом месте вы пишете о себе: «Происхождения пролетарского – из потомственных моряков...» Насчёт пролетарского происхождения вы не перегнули?

Блендер криво усмехнулся:

– Кто скажет, что моряки не пролетарии, пусть первым бросит в них камень.

Арбузов достал из папки, положил на стол и зачитал вслух другую бумагу:

– По свидетельствам знавших его с детства: как родной, так и приёмный отец, будучи компаньонами, занимались торговлей и контрабандой...

Блендер снова усмехнулся:

– Что мешает моряку-пролетарию в качестве классовой борьбы заниматься контрабандой, подрывающей царский режим?

Арбузов зачитывал отрывки из двух документов поочерёдно:

– «Образование: семь классов гимназии» ... «Отчислен из восьмого класса по политическим мотивам...» Почему вас отчислили из гимназии?

– Восстал против притеснений и издевательств старорежимных учителей и гимназического начальства, – ослабился Блендер.

– А вот я, представьте, выучился на инженера, – Арбузов мечтательно и грустно посмотрел куда-то вдаль, потом упёр взгляд в Блендера, – и при старом режиме, между прочим! А теперь честно: за что?

– За неуспеваемость...

Арбузов тяжело вздохнул и продолжил читать:

– «С 1918 года служил в Красной Армии...» Это мы пока до поры пропустим, – Арбузов вскинул глаза на напрягшегося Блендера, – «В 1919 году служил в армии Деникина...» Что вы делали в армии Деникина?

– Можно сказать, приближал победу рабоче-крестьянской

Красной Армии, – несмело улыбнулся Блендер.

– Как именно?

– В меру своих скромных сил громил деникинские тылы.

– А конкретно?

– Экспроприировал экспроприаторов.

– Блендер, отвечайте по существу! – Арбузом хлопнул ладонью по столу.

– Воровал, – просто признался Блендер. – Ворующие интенданты нуждались в посредниках, порядка не было. Можно было воровать вагонами.

– Каким образом вы входили в доверие?

– Не поверите! – широко улыбнулся Блендер. – Русским я представлялся важным турком, например, сыном турецкого султана от младшей жены, заведывающим морскими перевозками или таможенной очисткой грузов, или представителем турецкого торгового дома. А туркам представлялся русским офицером, адъютантом командующего или помощником начальника снабжения армии. Это самая выгодная позиция – встать между...

– Но и рискованная! – Арбузов наблюдал за Блендером почти с восхищением.

– Да, риски большие ... Но зато я сколотил себе целое состояние. Но потом, правда, потерял всё. Потом снова сколотил и снова потерял, но уже больше.

– Потом?

– Потом пришли красные, при них прежняя экономиче-

ская свобода закончилась. Им я как турок-посредник стал не нужен.

– Потом?

– Потом пошло-поехало. Покатился вниз по наклонной плоскости. Читал лекции о научном коммунизме. Торговал портретами коммунистических вождей. Мог изображать родственника какого-нибудь героя или вождя революции и просить о материальной помощи. Под это дело почти законно чистил кассы советских учреждений. Собирал на помощь жертвам царизма. А если находил богатых бывших – собирал с них на борьбу с большевиками. Представлялся уполномоченным тайной организации. Переезжал из города в город... Вы уже всё это знаете. Я всё подробно написал.

– Но зачем? Это же сущие копейки! – искренне удивился Арбузов. – Это же так мелко, особенно после масштабных афер с хищениями в тылах!

– Привычка, – философски развёл руками Бендер, – брать там, где можно взять быстро и просто. Если бы мне попала масштабная афера, я бы не стал заниматься мелочами.

– А честно трудиться вы не пробовали?

– А какой смысл? – Бендер взглянул на Арбузова с таким искренним недоумением, что тот отвёл взгляд и только покачал головой.

– Так, ладно... Теперь поглядим, чем вы решили нас прельстить, – Арбузов достал ещё одну бумагу из папки и зачи-

тал:

– «Физически развит, ловок... Расторопен, знаю языки: французский и немецкий (в пределах гимназического курса), могу свободно объясняться на греческом, турецком, украинском, идише, южнорусском суржике, румынском, польском... Легко схожусь с людьми, вызываю доверие, чувствую их слабые стороны... Обладаю большими актёрскими способностями...» Всё правильно?

Блендер неопределённо развёл руками и кивнул.

– «Имею личные связи...» Так, мы добрались, пожалуй, до самого интересного... Думаю, мы не будем вас расстреливать, – Арбузов окинул взглядом приободрившегося Блендера и со значением уточнил, – сейчас не будем. Вам ещё придется нам послужить. Кто не работает, тот не ест! А тому, кто нам не служит, тому – высшая мера социальной защиты – пуля.

– Артур Христианович, я не понимаю, вы начальник контрразведки, почему вы лично возились с этим мелким жуликом Блендером! – Луговой сидел напротив Арбузова и разводил руками. – Это же совершенное ничтожество, а у вас столько более важных дел!

– Нет, Михаил Яковлевич, это не мелочь! Мы с вами представляем государственную тайную службу. Мы придумали Трест. Но что такое Трест? Несколько случайных маразматиков-монархистов, доставшихся нам в наследство от Яку-

шева, и вдобавок два десятка кадровых сотрудников ОГПУ. Нам нечего предъявить врангелевцам в качестве низовых организаций Треста. Им надоедает видеть одни и те же наши лица. А теперь представьте: человек из ничего на ровном месте создал сеть контрреволюционных организаций! Практически, готовый самодеятельный Трест. Да, цели у него были мелкие, но зато какой организаторский талант! И то, что он когда-то создал, нам нужно бережно подобрать и использовать. И его самого надо непременно использовать. При правильном подходе он будет для нас полезнее многих кадровых чекистов.

– А не устроить ли нам ему турне по его прежним кормовым полянам? С нашим сопровождением и надлежащим подтверждением его первоначальных слов?

– Именно этим я просил бы заняться вас, Михаил Яковлевич! Проработайте с ним маршруты, по которым мы впоследствии будем возить всех прибывающих контролеров Треста. Начните с Киева...

Репетиция в просторном кабинете продолжалась уже более часа. В конце концов Блендер закрыл лицо ладонями в полном отчаянии:

– Нет, нет, нет! Нет, Мишенька, как хотите, но так я не могу вас выпустить на мой бенефис!

– Товарищ, Блендер, не забывайтесь! Я всё-таки ваш начальник! – огрызнулся Луговой.

– Товарищ начальник! Вы же совсем не чувствуете партнера! – Блендер уже освоился в новой роли сотрудника и ни капли не боялся Лугового. – Вот прежний Мишенька был хорошим партнером, и сборы с нашего спектакля это подтвердили со всей очевидностью.

– После того вашего спектакля вы загремели прямо в ЧК! – заметил Луговой.

– Ничего вы не понимаете, товарищ начальник! После моего успешного, – Блендер выделил последнее слово, – успешного спектакля меня заметили истинные ценители и пригласили в театр высшего класса. А вам, товарищ начальник, в этом театре играть только «Кушать подано!».

Луговой был сконфужен:

– Андрей Соломонович, пожалуйста, ещё раз подскажите, как надо.

Блендер принял театральную позу:

– Говори всё это просто, свободно, руками не руби воздуха и в самой страсти соблюдай меру и умеренность, да и не переслащивай! Так делай, чтобы слова соответствовали действию, а действие словам. Будь верным зеркалом природы. Поймите, это же театр! Только в случае провала вас не просто освищут, а по-настоящему побьют и может быть даже ногами!

Луговой опустил голову, а Блендер уже возвышался над ним, всем своим видом показывая, кто здесь настоящий начальник:

– Вы действительно прочли «Мещанина во дворянстве», как я вам вчера велел?

– Прочел, – вздохнул Луговой.

– Поймите, в сущности, мы с вами играем последний акт этой пьесы, где господин Журден принимает у себя сына турецкого султана. Помните?

– Помню...

– Турок сейчас – это вы, а не я. Я только ваш переводчик с турецкого. Ваша задача – важно молчать и надувать щёки. Иногда будете важно произносить непонятные слова. Господин Журден – коллективный господин Журден – это наша публика, которую мы соберём в нашем турне. Они готовы быть обмануты и в глубине души даже мечтают об этом. И это нам на руку, этим надо пользоваться! Но горе вам, если вы обманете их в их ожиданиях! Они сделают с вами такое, что сказать противно. Вы это понимаете?

– Понимаю, – тяжело вздохнул Луговой.

– Я – ваш переводчик – посредник между вами и публикой. А вы должны быть для них недосыгаемы, как вершина Монблана. Понятно?

– Монблан вообще-то достигаем... – попробовал было поспорить Луговой.

– А вы должны быть недосыгаемы! – попытка переворота была решительно пресечена Блендером в зародыше.

– Понятно...

– Что вам понятно?! – Блендер с тоской поглядел на Лу-

гового. – Вот прежний Мишенька меня понимал с полуслова... Как приятно было работать с таким партнером!

– Я постараюсь, Андрей Соломонович, давайте поработаем ещё! – взмолился Луговой.

Блендер снова принял театральную позу:

– Будь верным зеркалом природы, представь добродетель в её истинных чертах... Идите и будьте готовы! А лучше попросите ваше начальство вас заменить. Вот Александр Александрович – тот ваш важный генерал, который со мной беседовал... Вот у него есть фактура для роли Турка... С ним в качестве партнера я согласен на гастроли. Всё, как договаривались: Киев, Харьков, Екатеринослав, Одесса, Бобруйск, Смоленск...

Парсеваль

«Пусть никто не воздаст мне чести такой! Не приму я!

Даже любого сдержу, кто сможет на это решиться.»

Москва. Декабрь 1924 года.

Писатель, сидя за столом в ожидании обеда, оживлённо размахивал вилкой:

– Люба, представляешь, у новых культурных вождей возникла очередная идея: как бы нам приспособить лучшие образцы мировой культуры на службу пролетариату и заставить звучать их в правильном ключе. Дон Кихот теперь будет борец за права трудового испанского пролетариата: он защищает угнетённый класс и освобождает узников королевских тюрем. Мне поручили проработать замысел.

Писатель мечтательно уставился куда-то в потолок. Жена заботливо поставила перед писателем тарелку с рыбными котлетами и поцеловала в макушку:

– Я слышала, что в Большом давно мечтали поставить вагнеровского Парсеваля, но во время войны с германцами это оказалось несвоевременно, и кто-то предложил сделать Парсеваля французом. Взять в союзники. Так что нет ничего удивительного и в новой возможной интерпретации.

Пусть Парсеваль теперь тоже будет борцом с эксплуататорами и принесёт трудящимся какой-нибудь очередной Грааль. А трудящиеся пусть хотя бы услышат Вагнера, и это уже пойдет им на пользу.

– Грааль станет чашей, куда собиралась кровь борцов со старым режимом? Или из этой священной чаши пил сам Карл Маркс? – улыбнулся писатель. Жена его строго одёрнула:

– Миша, ты забыл, как тебя уже вызывали. Туда. Так что оставь, пожалуйста, Карла Маркса в покое.

– Разумеется, я оставлю в покое Карла Маркса, – тяжело вздохнул писатель и тут же встрепенулся:

– А из того, что они обсуждали на литкомиссии, я бы, пожалуй, выбрал Чичикова и написал бы на эту тему современные вариации.

– Вот и славно, – улыбнулась жена. – Высмеивай эксплуататоров, жуликов и бюрократов. У тебя на это талант. И всё в интересах трудящегося класса. И тогда тебя непременно оценят!

Океан. Февраль 1929 года.

Капитан теперь сидел на румпеле и, поймав парусом лёгкий ветерок, старался его не упустить, играя шкотом. Пользуясь тихой погодой, решили готовить суп на горячее. Василий Мефодьевич в роли кока острым ножом чистил луковицу, сдувая шелуху прямо в океан, и продолжил прерванный

рассказ:

– Чистим луковицу – вот метафора всей нашей жизни! Счищаем шелуху – избавляемся от свойственных нам страстей и иллюзий! Слой за слоем, слой за слоем... К концу жизни добираемся, наконец, до основы. А по большому счёту – и там пустота. И всё, что нам остаётся, – это слёзы, которые мы пролили над этой луковицей.

Он стал мелко-мелко крошить луковицу на дощечке, время от времени смахивая слезу тыльной стороной кисти.

– С детства мечтал быть военным, а после юнкерского училища – разочаровался. В полицию перешёл, чтобы свои способности обратить людям к пользе. Оказалось, иллюзия. Семейная жизнь грезилась, так Бог детей не дал, а потом и жена умерла... С молодости был государственным. Потом увидел вблизи высших сановников и Государя – и пелена с глаз упала. Вот как эта луковая шелуха, – он сдул шелуху с ладони в океан и помолчал, задумавшись.

– Сперва вне России себя не мыслил, потом оказалось, что Россия не единственная страна. Потом одно время казалось мне, в других странах живут лучше, а главное, правильнее, чем в России. Потом и эта иллюзия развеялась. Но это уже потом. А тогда я твёрдо решил: чтобы не попасть под жернова грядущей смуты, надо вовремя перебраться за границу. Думал, заживу себе спокойной жизнью. Ренты и пенсии мне хватит. Можно в потолок плевать. Не тут-то было!

Покончив с луком, кок стал чистить другие овощи, кро-

шить и смахивать их ножом в кастрюлю.

– Начались у меня неприятности со здоровьем. Не фиктивные, по которым я в отставку уходил, а настоящие. Люмбаго, прострелы в пояснице, раны старые проснулись и ноют... А главное – тоска, ибо бессмысленно всё. Скучно мне стало. Это ещё деньги у меня тогда были. Ну а потом и денег почти не стало. Как грянула в России революция – выплаты пенсии прекратились. Капитал мой таял сам по себе. Год-два, ну три – и пойдёшь по миру. И решил я из Парижа уехать туда, где подешевле. Выбрал Нормандию. Там у меня сразу все хвори как рукой сняло. Купил домик и крошечную усадёбку в деревне на берегу моря. По военному времени мне её продали за сущие гроши. Домик – развалюха. Я своими руками его починил, печь наладил, крышу, стёкла вставил, стены отконопатил. Вони деревенской там совсем не чувствуешь: всё ветром с моря уносит. Опростился я, совсем как Лев Толстой. Рук рабочих не хватало тогда: мужики на фронте. Меня охотно брали на работу. К русским в то время ещё очень хорошо относились. В кузнице молотобойцем подрабатывал. Рыбаки брали меня с собой в море помощником. Частью улова расплачивались. А ещё у одного хозяина механиком работал, дизельный мотор научился перебирать и ремонтировать. Устриц таскал с моря в тяжелых корзинах. Зато устриц этих там и наелся вдоволь. А Петербурге такие были по пятидесяти рублей дюжина! Огород себе насадил. Земля благодатная. Картошку выращивал. Капусту

сам квасил. Ходил по соседям и перенимал всё полезное, что замечал. Одна беда – холода, а дрова и уголь дороги. А больше всего я тогда море полюбил. Часами мог бы сидеть на берегу и просто глядеть – не надоедало. Совсем, как сейчас... И прожил я там так семь лет, как ваш немецкий Парсеваль у Волшебной горы. Семь лет длилось моё трудовое счастье. И открылось там мне, что я и без капиталов, и без пенсий проживу, и тем счастлив буду. Видать, не случайно святые люди сказывают, человеку нужно семь лет одиночества для просветления...

Время от времени кок проверял, слушает ли его капитан. Тот слушал внимательно: они встречались взглядами, и тогда кок продолжал:

– Но и в Париж я тоже иногда наведывался, знакомых навещал. Их там много появилось. После войны, как армию демобилизовали, солдаты, что из местных, возвращались. Рабочих рук стало в достатке, но я уж тут своё место прочно занял, освоился. Деревенские мужики меня зауважали. С местной интеллигенцией я тоже задружился: кюре, нотариус, полицейский чиновник и таможенный. Книги и газеты у них брал читать. У кюре – консервативные, а у нотариуса – либеральные. Потом и сам тоже стал газеты выписывать, чтобы больше про Россию читать. Смутно писали и разное. Не мог я понять, к чему там дело идет. Думал, скорее всего порвут Россию на куски союзнички – империалистические хищники. Однако, по Версальском миру выходило, что Рос-

сии – быть. Австро-Венгрию и Турцию в ключья порвали, а Россию и Германию только ножницами обкорнали ко краю. Видать, решили, чтобы пока главное никому другому из них не досталось. А может, кто-то влиятельный за Россию заступился, чтобы после использовать. Но что в той России будет, когда смута кончится и морок развеется, – дело тёмное. Одно мне было ясно: прежним порядкам больше не быть. В откупоренную бутылку шампанское обратно не зальёшь! Знакомые эмигранты рассказывали про ужасы: голод, разруха, тиф, торжество хама, города, заплёванные семечками, зверства ЧК... А левые газеты писали, что в России строят государство социальной справедливости в интересах тружеников. Не особо я в это верил, однако же, любопытно мне стало. Читаю новости, слушаю рассказы, и прикидываю, что из этого правда, а что – выдумки. И размечтался я самому взглянуть. Но то мечты были пустые, и никак бы им не осуществиться, но представился мне совершенно неожиданный случай...

Визит старой дамы

*«Я и сама пришла к тебе с такою же думой;
Ты, быть может, придумаешь что и помощь
окажешь?»*

*Но поклянись и Ураном, и Геєю, всё, что скажу
я,*

*В сердце своем удержатъ и мне во всем
покориться...»*

Москва. Май 1924 года.

– Миша, ты бабник! – жена строго посмотрела на писателя, голова которого лежала на подушке, освещённая лившимся из окна лунным светом.

– Неправда!

– Правда-правда! Давай, рассказывай мне про свою Катеньку! – с притворной строгостью жена изобразила удар ладонью по его щеке. – Признавайся, чьё имя ты шепчешь во сне по ночам, а? При живой-то жене!

– Любаша, не поверишь! Это всё опять Иван Грозный!

– Мишенька, как я люблю тебя за твою безудержную фантазию, наглец ты этакий! – жена рассмеялась и чмокнула писателя в щёку.

– Представь себе, это правда! Является ко мне ночью Иван Грозный и опять требует привезти ему синодик. А ещё спрашивает: «Хочешь, чтобы твою пьесу поставили в театре? То-

гда проси Катеньку». Что за Катенька, ума не приложу.

– Зато я знаю! – жена озорно погрозила писателю пальцем.

Тот встрепенулся:

– Тогда рассказывай скорее! Ты же знаешь, я на всё готов ради театра!

– Александринка тебя устроит? Это как раз за спиной у Катеньки, которая стоит на постаменте. Или театральный зал над Елисейевским магазином у неё напротив?

– А в самом деле, – задумчиво изрек писатель, – почему бы мне не попробовать начать с Петрограда?

– С Ленинграда, Миша, с Ленинграда. Привыкай уже, – строго поправила жена.

Океан. Февраль 1929 года.

Капитан по-прежнему сидел на румпеле и играл шкотами, ловя ветер. Кок мыл посуду в деревянном ведре с морской водой.

– А вот скажи, Федя, у тебя была романтическая любовь?

– Мне в Риге нравилась одна девушка. Но море мне нравилось больше, и я уехал. Я буду искать жену в Америке.

– Значит, не было у тебя, Федя, романтической любви. А у меня была... Катенька Валуева.

– А что, правда, любовь, как в романе? – заинтересовался капитан.

– Скорее, как в романсе: «он был титулярный советник, она генеральская дочь» ... Нет, не прогнала она меня, конеч-

но, но общего будущего у нас с ней быть не могло. А замуж она за князя вышла...

Кок зло выплеснул воду из ведра за борт и стал глядеть на пустой горизонт.

– А что было дальше? – потребовал капитан, и кок словно очнулся от сна.

– О чем это я? Да, про Катеньку... Так вот в июне двадцать четвертого года оказался я в Париже и встретил я там её. В гостинице у Сен-Мартена я скромненький номерок снимал. Она ко мне прямо туда заявила. Говорит, в метро меня раз увидала на Трокадеро, когда делала шанж, потом знакомых обо мне расспрашивала, как меня найти. И нашла... Постарела она, конечно. И выглядела неважно: на чулках петли спущены, жакет потёртый... Говорит, еле живые тогда из Крыма вырвались. Потом промыкалась в Турции, в Сербии... А теперь жить стало совсем не на что. А у меня, как она слышала, здесь поместье в Нормандии? Ну, пришлось её разочаровать... Тут она и расплакалась. Говорит, как дальше жить не знает. Хоть в Сену кидайся. Если бы драгоценности свои из Петрограда сумела вывезти, хоть сейчас замуж бы вышла за богатого американца. Она же княгиня – по мужу, а американцы – они на титулы падки. Говорит, ей бы только бы приодеться и лоск навести, тогда можно было бы и в свет выйти. А там, держись, богатые американцы!

Кок тяжело вздохнул:

– Вот тебе и романтическая любовь, Федя! А я-то, дурак,

возьми и ляпни: если только в драгоценностях твоё счастье, я тебе их достану! Чёрт меня за язык дернул! Воистину говорят, седина в бороду – бес в ребро!

Кок зло сплюнул за борт.

– А она? – подал голос капитан.

– А она, видать, только этого и ждала. Я знала, говорит, что ты мой рыцарь и ты меня спасёшь! И тут же, не сходя с места, стала мне рассказывать, как найти её драгоценности. Лежат они в дупле сосны рядом с её дачей. А дача – в Вырице. Это на юг от Петрограда вёрст шестьдесят. Чудаки люди! Надо же, додумались: в четырнадцатом году дачу там строить! Воистину, их, слепцов, Бог разума лишил! По её словам выходило, что сосна там приметная. В дупле – сверток с ридикюлем, а в нем – драгоценности. С собой тогда испугались на Юг везти, боялись, что в дороге всё отнимут. Думали, потом вернутся в Петроград после смуты. А в городских квартирах всё, что при обысках находили, отнимали. Поэтому и решила она на даче спрятать. Ну, думаю, поздно на попятную идти, придётся в Петроград катиться... Пятьсот франков мне на дорогу предлагала, вот, говорит, всё что у меня осталось. Я тогда гордо отказался, сам, говорю, справлюсь! А потом и призадумался: на какие шиши поеду? А уж поздно! Давши слово крепись!

Он убрал чистую посуду и ведро в рундук и хозяйским глазом окинул судно:

– А давай мы с тобой, Федя, такелаж починим, пока пого-

да позволяет. Вот этот фал уже менять пора.

– Работу себе ищешь? Отдыхай лучше. Тут уже весь таке-лаж и рангоут пора менять. Но до Сан-Франциско должны дойти. Лучше давай дальше рассказывай.

– Есть, скип! Денег, значит, не было у меня... А ещё границу надо как-то переходить. Если легально – надо у Советов просить визу. Это долго. Франция Советы не признает. И дадут ли визу бывшему полицейскому чиновнику? Вопрос! А главное, выпустят ли обратно живого? Не факт! Значит, надо нелегально. Вот ты, Федя, как за границу бежал? По каким документам?

– Я купил фальшивые документы моряка и нанялся по ним на шведский пароход. Оказалось, это даже дешевле, чем просили за докторское свидетельство, освобождающее от армии. Потом в Англии я купил себе новые фальшивые документы. А здесь на островах я сам себе нарисовал документы и даже получил на них настоящие французские печати. А какие документы я буду предъявлять американцам в Сан-Франциско, это я ещё не решил.

– Вот и я крепко тогда призадумался. Долго размышлял, а наутро решил: а пойду-ка я к Берковичу. Это бывший мой сослуживец по департаменту. Правда, тогда он был коллежский асессор, а я только титулярный, но чужбина нас уравнила. А служил он в то время при Врангеле. Сам Климович его подобрал: помнил, видать, по прежней службе и ценил. Ты помнишь, кто такой был Климович?

Капитан отрицательно покачал головой.

– Ну да неважно... Так вот этот Беркович и проболтался мне как-то, что переправляет через границу в Россию нужных людей. Метнулся, значит, я к Берковичу. Помоги, говорю: позарез надо срочно в России побывать, только денег у меня кот наплакал. Нельзя ли мне по твоим каналам пройти? Зачем, спрашивает? По делам «Земельного банка», говорю. Ты же всё своё вывез, удивляется. Не по своим, говорю, делам. Помнишь Катеньку Валуеву? По её делам! Ну тогда он мне и помог: по большому секрету сообщил, что их людей скоро повезут морем в Гельсингфорс, а оттуда – в Петроград. Лети, говорит, в Гавр, может, и успеешь, а с капитаном сам договаривайся, я тебе для него записочку черкну. И как границу переходить тоже, говорит, будешь уже сам на месте с финнами договариваться. Он за это не отвечает. Но где четверо, там и пятеро, проскочишь как-нибудь с ними, говорит...

Париж, 19 сентября 1924 года.

В окно кабинета начальника контрразведки светило ласковое сентябрьское парижское солнце, но генерал Климович глядел на своего стоящего подчиненного мрачнее тучи. Потом молча кивнул, разрешив сесть. Беркович осторожно опустился на стул, вопросительно глядя на своего начальника. Он помнил его по прежней службе в Петербурге, помнил в генеральском мундире с орденами. Мундир сменился на ци-

вильный костюм, но голова начальника осталась головой начальника. Те же усы и бакенбарды, только мешки под глазами стали больше, и сами глаза словно потускнели...

Сам Беркович выглядел парижским франтом. Лицо его, чуть осунувшееся было во время смуты, за последнее время снова округлилось, и Беркович сделался похожим на толстого довольного налакомившегося кота. Лёгкая седина на кончиках усов напоминала сметану. Службой в Париже он был вполне доволен. Она открывала неожиданные возможности, о которых генералу лучше было бы не знать...

Генерал поймал ожидающий взгляд своего помощника – такой честный и открытый взгляд – и смущенно отвёл глаза:

– Владимир Феофилактович, от меня снова требуют объяснений по поводу четырёх пропавших два месяца назад офицеров. На этот раз лично барон Врангель. Все ищут виновных. Вы готовили их переброску в Петроград.

– Ваше превосходительство, полагаю, это обычные интриги, – Беркович с обиженным видом развел руками.

– Подробности, которые мне там сообщили наводят на неприятные размышления...

– Вы, наверное, имеете в виду того пассажира на судне... – осторожно осведомился Беркович.

– Который оказался там в результате вашего попустительского, если не сказать больше! – неожиданно взорвался генерал, а потом с горечью добавил:

– Как вы могли, Владимир Феофилактович? Мы не пер-

вый год работаем вместе. Я от вас этого не ожидал!

– Поверьте, ваше превосходительство, Евгений Константинович, без всякой личной корысти! Возможно, я взял на себя излишнюю инициативу, каюсь, но исключительно ради пользы нашего дела!

– Ситуация сложилась весьма щекотливая. Все четверо посланных нами офицеров взяты чекистами. Операция полностью провалена. И при этом ещё выясняется, что всё время рядом с ними находилось постороннее лицо, причём, с вашего попустительства. И ещё нужно доказать, что не по злому умыслу... Что прикажете доложить командующему?

Беркович заговорил вкрадчиво:

– Ваше превосходительство, вам следует объяснить Петру Николаевичу, что всё не совсем так, как ему излагают интриганы. И даже совсем не так.

– Объяснитесь, Владимир Феофилактович, – потребовал генерал.

– Евгений Константинович, прежде всего, те четверо посланы не нами. Это не наши люди, а кутеповская самодеятельность. Они нам даже не подчинялись. Мы только посредничали между ними и англичанами за более чем скромное вознаграждение. За провал их операции – я подчеркиваю – их, а не нашей операции, мы не несём никакой ответственности. Что же касается «постороннего лица», то это был как раз наш человек. Поэтому наша операция как раз и увенчалась триумфальным успехом.

– Наш человек и наша операция? – удивился генерал.

– Точнее, ваш человек, ваше превосходительство: бывший сотрудник вашего департамента титулярный советник Воробьёв.

– Право, затрудняюсь вспомнить...

– Очень ценный кадр, Евгений Константинович, исключительный талант по части розыска пропавшего имущества. Я давно собирался привлечь его к нашей работе. И вот, наконец, сейчас он прошёл важную проверку и подтвердил свои исключительные способности.

– И по какой линии вы собирались его использовать?

– По линии розыска спрятанного в России ценного имущества. Для реализации за границей и использования добытых таким образом средств для нашей борьбы. Зарытое в земле сокровище в шутку называют положенным в «Земельный банк». Предлагаю нам организовать правление «Земельного банка». Я убеждён, что за этим направлением – будущее. Оцените перспективу, если поставить вывоз на постоянную основу, то дело пахнет миллионами...

Генерал встал, подошёл к окну и надолго замолчал, глядя на порхающих воробьёв, затем внезапно повернулся:

– Владимир Феофилактович, расскажите мне подробнее и во всех деталях об осуществлённой вами операции.

Беркович словно дожидался приглашения. Речь его полилась, как по заготовленному:

– Воробьёву была поставлена задача найти в указанном

месте на территории России и изъять спрятанные там драгоценности, доставить в Париж и вернуть их законной владелице. Он поразительно легко справился с поручением. Заметьте, он никак не был связан с той четверкой и действовал совершенно независимо от них. И границу он переходил совершенно в другом месте. О деталях же, так сказать, поиска сокровищ, вы можете справиться у госпожи Голицыной. Правда, она не в курсе о нашей с вами роли в этом предприятии. Я счел благоразумным пока остаться в тени.

– А мы что-нибудь получили в результате этой операции?

– Пока только ценного кадра. И бесценный опыт. Что же касается денег... – Беркович развёл руками и слегка улыбнулся, – я счел преждевременным просить у госпожи Голицыной денежных компенсаций за возвращённые драгоценности. Я полагаю, в скором времени мы сможем получить от неё гораздо больше через её новых американских знакомых.

– Что ж, Владимир Феофилактович, – задумался Климович, – пожалуй, если дело обстоит так, как вы излагаете... Я могу только выразить вам свою благодарность за усердие.

Беркович молча с улыбкой наклонил голову.

– О ваших же предложениях относительно «Земельного банка» я лично доложу командующему. Думаю, Петр Николаевич нас поддержит. Кстати, подскажите мне, как лучше без посторонних глаз встретится и переговорить с госпожой Голицыной?

Беркович довольно приосанился и снова улыбнулся:

– Я полагаю, хорошим поводом будет поздравить её с новой помолвкой...

Париж. 27 сентября 1924 года.

В храме на улице Дарю только что завершилась праздничная служба. Собравшиеся – в основном русские эмигранты – выслушали проповедь о былом воздвижении русскими монархами креста Господня над Парижем – деянии, сравнимом с подвигом равноапостольных Константина и Елены, а также и о неизбежном новом воздвижении креста над блуждающей во мраке Родиной, для чего каждому из собравшихся необходимо приложить всевозможное усилие и старание. Прихожане, выходя на улицу из церкви, не спешили расходиться и продолжали между собой общение, собираясь кружками. Климович в цивильном костюме с цветком в петлице подошёл к модно одетой даме. Прямой силуэт платья с отсутствующей талией удачно скрывал располневшую фигуру, а вуаль со шляпки, весьма уродливой на вкус генерала, успешно прятала не первую молодость лица.

– Госпожа Голицына, разрешите вас поздравить! Наслышан о вашем грядущем новом замужестве! – генерал галантно изобразил поцелуй на протянутой ему руке в перчатке. Дама приподняла вуаль и довольно улыбнулась:

– Да, генерал, и я вскоре уезжаю в Америку с новым мужем. Он занимается химической промышленностью. Я буду теперь Голицына-Джонсон.

– Неужели вы нас покинете, Екатерина Александровна? Вы были истинным украшением нашего общества!

Та зло сощурилась:

– Благодарю, генерал, но в то время, когда я приходила за помощью, на меня в нашем обществе не обращали столько внимания.

Генерал легко проигнорировал адресованный ему явный упрёк:

– Я счастлив, что вам удалось выбраться из ваших временных затруднений. Так раскройте же секрет, как вам это удалось?

Дама загадочно улыбнулась:

– Как королеве Анне Австрийской. Помните, как той д'Артаньян привез алмазные подвески?

– Неужели подвески могут так переменить судьбу женщины? – притворно удивился генерал.

– Женщине иногда не хватает только талисмана, приносящего счастье! Поэтому я до поры скрывала, как Золушка, свою истинную сущность от глаз толпы. Но как только я предстала в своем истинном обличье, тотчас же нашёлся и прекрасный принц.

– Подумать только! Нынче принцы занимаются химической промышленностью!

Дама недовольно надула губы и попыталась спрятать свое недовольство за кривой улыбкой.

– А кто же этот благородный д'Артаньян, который доста-

вил вам подвески? – генерал поспешил загладить свою колкость и придал беседе правильный поворот. Дама натянула на лицо маску загадочности:

– Это мой верный рыцарь.

– Неужели среди нас ещё сохранились рыцари? Никогда бы не подумал!

– Мой верный рыцарь сохранился! У него поместье и замок в Нормандии. Он ещё весной звал меня замуж, но...

– Что же вас остановило?

– Романтические отношения убиваются замужеством. Рыцарю полагается вздыхать о своей Даме лишь издалека. И ещё совершать подвиги ради своей Дамы.

– Я весь в нетерпении! Расскажите мне поскорее про его подвиг. Как он доставил вам подвески?

Дама остановилась посреди тротуара:

– Право, я сейчас тороплюсь. Скажу по секрету, у меня randevu в Булонском лесу. С моим принцем, – добавила она шаловливо.

– У меня мотор, – настаивал генерал, – я вас доставлю, а по дороге с удовольствием выслушаю ваш рассказ.

Он поднял руку и сделал неуловимый жест пальцами. Тотчас же к ним покатила чёрная рено. Выскочивший шофёр приглашающе распахнул заднюю дверь.

– Но, право... – дама заколебалась.

– Никаких «но»! – в любезном голосе Климовича послышались странные нотки, и дама, сама не понимая почему,

покорно села в машину.

Через четверть часа они вдвоём уже шли по дорожке Булонского леса. Деревья только начинали желтеть. На пруду плыли лебеди. Рядом гуляла хорошо одетая публика, играли дети.

– Итак, Екатерина Александровна, я сгораю от любопытства услышать рассказ про вашего рыцаря.

Дама злилась на себя за минуты своего неоправданного и необъяснимого страха во время их молчаливой поездки в авто. Теперь, снова на публике, она опять обрела самообладание. Её ответ прозвучал гордо и высокомерно:

– Такое любопытство не должно быть свойственно мужчине.

Климович вдруг неожиданно поменял интонацию, в его голосе зазвенел металл:

– Это профессиональное любопытство, госпожа Голицына. Поверьте, оно имеет глубокие основания. Вы же прекрасно знаете, кто я. И мне очень бы хотелось видеть ваше лицо во время нашего разговора.

Дама, безотчётно повинувшись, подняла вуаль, но из последних сил попыталась сохранить невозмутимый вид:

– Зачем вам знать про моего рыцаря? Какое отношение мои бриллианты имеют к вам?

– Это моя профессия – знать всё. И особенно всё, что связано с Россией. И тем более, всё, связанное с пересечением русской границы.

Дама испуганно взглянула на собеседника, а тот задал следующий вопрос утверждающим тоном:

– Ваш д’Артаньян – это господин Воробьёв, если не ошибаюсь?

– Вы его знаете?

– Он служил когда-то под моим началом. Итак, вы поручали господину Воробьёву доставить вам ваши драгоценности?

– Вы забываетесь! Я не хочу отвечать на ваши вопросы, заданные в таком тоне!

– Милейшая, Екатерина Александровна, смею вас уверить, что я умею получать ответы на свои вопросы. Только из глубокого уважения к вам лично, я не доверил это дело никому из своих сотрудников. Смею также напомнить, что вы пока ещё не стали госпожой Джонсон, и ваш брак может расстроиться из-за досадной случайности. Итак, спрашиваю вас ещё раз: вы поручали господину Воробьёву доставить вам ваши драгоценности?

– Да. То есть, нет.

– Да или нет?

– Он сам вызвался.

– Сам?

– Ну да, сам! Он сказал, что может привезти мне их, и я согласилась.

– Откуда он о них узнал?

– Я ему сама рассказала... Мы встретились случайно. Он

мой старый знакомый... Мы разговорились, и я обмолвилась, что в Петрограде остались мои драгоценности.

– А где вы встречались?

– Не помню. Кажется, мы прогуливались в саду Тюильри и встретились там.

– Допустим. Что он попросил взамен?

Взгляд дамы заметался...

– Я не понимаю!

– Он хотел от вас каких-нибудь... услуг?

– Как вы смеете!

– Согласитесь, услуга, которую он вам оказал, не могла быть бескорыстной!

Взгляд дамы упёрся в землю, рот перекосила гримаса:

– Он хотел половину стоимости.

Генерал всё понял, но не показал виду:

– А вы?

Княгиня с наглым вызовом посмотрела собеседнику прямо в глаза:

– Я согласилась отдать четверть.

Генерал решил сделать вид, что поверил.

– До или после вывоза?

– Разумеется, после!

– Вы выдавали ему аванс?

– Да, пятьсот франков.

Генерал усмехнулся:

– Немного. Он вернул вам все драгоценности в целостности?

– Да.

– И вы ему заплатили остаток?

– Да!

Генерал изумлённо посмотрел княгине прямо в глаза. Та отвела взгляд:

– То есть нет, пока ещё не заплатила. Нужно ещё было продать драгоценности. Но я пока продала лишь немного и решила главное не продавать, а только заложить и выкупить уже после свадьбы. Мой муж сделал бы мне такой подарок.

– Так вы пока не заплатили?

– Мы договорились, что я заплачу не позднее конца ноября.

– А не знаете ли, часом, оказывал ли он подобные услуги другим?

– Не знаю, – княгиня задумалась, – но полагаю, что оказывал. Он ведь профессионал. И то, как быстро он управился, заставляет думать, что для него это было дело привычное.

– А скажите, Екатерина Александровна, почему вы обратились именно к нему?

– Потому что он мастер сыска, – ответила она и мгновение спустя тихо добавила, – и очень честный человек.

– Мастера сыска, безусловно, редкие птицы, говорю вам как профессионал. Но честные люди, пожалуй, ещё более редкие. А вам повезло повстречать носителя обоих качеств сразу. Невероятно! Но из всех обстоятельств вашего фантастического рассказа в этом, пожалуй, я готов вам поверить.

Лицо дамы стало пунцовым, и она поскорее накинула вуаль.

Аргонавтика

*И ещё они спустить не успели причала,
Как Ясон стремительно прыгнул с палубы
наземь.*

Москва. Июль 1924 года.

– Тише, тише, Мишенька! Что, снова Иван Грозный? – жена успокаивающе гладила холодный лоб писателя.

– Нет, Любонька, на этот раз снова Ясон. Это который из античных мифов.

– Это который соблазнил и сделал несчастной Медею? Эротический сон, проказник? – она шутливо ударила его по щеке.

– Это ещё неизвестно, кто там кого соблазнял. Но сон был не об этом. Представь себе: греческий корабль. На носу стоит Ясон. Через руку у него перекинута золотое руно: шкура ягненка, усыпанная золотом. На носу корабля нарисован глаз, но не простой глаз, как древние греки рисовали, а в треугольнике: всевидящее око. А ещё на борту написано название корабля: первая буква альфа, а остальные не разобрать – их закрывает свисающая золотая баранья шкура.

– Название – Арго. Это уже все знают. Спи, Еврипид!

– Нос корабля – сон рока... – словно размышляя, сказал писатель. И тут они с женой переглянулись, и оба одновре-

менно прыснули смехом.

Океан. Февраль 1929 года.

– Бросился я на Сен-Лазар и едва-едва успел на поезд в Гавр. В Гавре – бегом в порт, на пристани сыскал яхту «Анна», спросил капитана. Шкипер оказался – не поверишь – тоже русский немец из Риги. Везёт же мне на вас!

– Как звали шкипера? – заинтересовался капитан.

– Звали его барон Иоганн фон Нидергаузен, а по-русски – Иван Иванович. Я называл его просто капитаном, а он меня – по фамилии, иногда – «матрос».

– Я помню яхту «Анна» из Риги. Двухмачтовый йол. Большая, моторная, футов пятьдесят?

– Да, вроде того. Была эта яхта когда-то его собственная. После революции пропало его поместье: сожгли латыши. И осталась у него только эта яхта. Содержать её было не на что, надо продавать. А жалко! И ухитрился он её так удачно продать! Нашёл покупателя через лондонский яхт-клуб – английского лорда. Лорд яхту купил и на содержание взял, а самого барона оставил на ней своим капитаном. Так и стал мой барон, как и прежде, ходить на своей яхте, только под английским флагом. И даже не пришлось яхту переименовывать, как была «Анна», так и осталась. Хозяину старое имя чем-то понравилось.

– Переименовывать корабль – плохая примета, – заметил капитан. – Я своё судно тоже не переименовывал, хотя ку-

пил одни развалины под видом судна и переделал так, что от старого мало что осталось.

– Тот тоже в Англии всё обновил за счёт нового хозяина. Да и от себя добавлял, как я подозреваю. Любил он свою яхту, как жену, а может, и больше. Но и использовал тоже. Когда надо – хозяина и его гостей катает, в остальное время, как американцы говорят, бизнес делает. Похож он был чем-то на тебя, хотя, конечно, сильно постарше. Сперва смерил меня ледяным взглядом с головы до ног. Долго так сверлил, потом спрашивает: могу ли быть матросом? Да не вопрос, отвечаю! Я же с рыбаками часто в море выходил. Претендую ли на отдельную койку? Нет, говорю, мне главное до места добраться. Тогда, говорит, через час уходим. Как, говорю, через час? У меня денег на руках – кот наплакал, а в банк уже не успеваю. И костюм на мне парижский цивильный. Решайся, говорит, отлив ждать не будет! Плату за рейс матросом отработаешь. Ай, думаю, была – не была, и шагнул на палубу. Снял я свой костюм и переоделся в его старое шмотье, которое он мне выдал. Рассказал он и показал, что мне придётся делать. Через час четверых пассажиров приняли на борт и ушли с отливом.

– А дальше что было?

– Шли-шли по морю и дошли. Финны мне – мы вас не знаем, не договаривались. И цену заломили. Чуть не плача возвращаюсь на корабль, думаю, хоть переночую. А капитан мне: а обратно пойдёшь со мной? Да с радостью бы, отвечаю,

да дело у меня на той стороне на три дня. А близок локоть – да не укусишь. И не уйти теперь, а что делать, не знаю. Он мне: где дело? В самом Петрограде? Нет, говорю, ещё верст шестьдесят на юг. Задумался он и говорит: я тебя доставлю сразу в Россию. До Петербурга не пойдём, и до Кронштадта не пойдём, а до Бьёрке пойдём. А там и до Копорской губы рукой подать. Там я тебя высажу, а через пять дней заберу. За три дня ты всё одно не уложишься.

Как я на берег высаживался – это отдельная песня: вплавь, а вещи – в резиновом надувном мешке. Как был, голый и мокрый, – сразу бегом в лес. Там костерок запалил, обсушился, переоделся. Вот представь: я в своем цивильном парижском пиджаке, в матросских штанах, в брезентовых сапогах с вещевым мешком. На себе браунинг, часы, французский паспорт и двести франков денег. И один золотой русский полуимпериал – на счастье носил. Нож складной и спички непромокаемые капитан мне дал. Советских денег – ни рубля. Документов – никаких, ну ни единой бумажки. Еды мне капитан выделил четыре банки мясных консервов с бобами, да сухарей. Кот наплакал!

– Перво-наперво я, как огляделся, часы завёл: обратно надо было непременно к сроку вернуться. А с картой мне крупно повезло. Подфартило. Можно сказать, карта пришла, – рассказчик замолчал, явно предвкушая вопрос, и в конце концов дождался своего.

– Как это – «карта пришла»? – через полминуты подал

голос капитан.

Рассказчик с готовностью пояснил:

– Пассажиры наши комплект карт Петербургской губернии при себе имели. Так они те листы, на которых Петроград и то, что севернее, с собой взяли, а листы, на которых юг, на яхте бросили. Видать, не хотели лишнего на себе тащить, я так понимаю. Так я те листы и подобрал. Слава Богу, листы с южным берегом залива на ней оказались. Я в прежнее время дальше Петергофа в этих краях и не бывал, и то всё по железной дороге. Но ничего, видать, дома и стены помогают. По азимуту ходить я ещё в юнкерском научился, и почти в этих же местах – под Красным Селом – практиковался. Маршрут проложил по карте до самой Вырицы, листы гармошкой сложил. По часам и по солнцу сориентировался и напрямик через лес пошёл по азимуту. На Копорье вышел, пошёл по селу. Сперва боязно было за свой нелепый наряд, а потом как пригляделся, в чём мужики теперь ходят, так сразу осмелел. Кто в чём! Смеси военного, гражданского и мужичьего самые невероятные. Вписался я в общую картину неожиданно для себя. На дорогу вышел – дальше просто шагай себе да шагай. Тут главное – ноги не сбить. Мужики с телегой попадутся – прошусь на телегу проехать. Не быстрее, чем пешком, но ноги сберегаются. И подремать можно. От Сиверской до Вырицы так и проехал на перекладных. Ночевал в лесу у костра. Ел там же один раз в день на ночь: банку на костре разогрею, а днём только сухарь погрызу. Потом

тем же манером обратно.

– А сокровища-то, как нашёл?

– Тут, Федя, ничего интересного. Нашёл по приметам сосну, на ней дупло. Вытащил из дупла ридикюль, проверил, что там драгоценности, и сразу потопал назад. По дороге зашёл в одну сельскую церковь, вознес молитву Николе Угоднику и свой счастливый полуимпериял пожертвовал.

– А как обратно на яхту попал?

– Тут, конечно, не по себе мне было. Добрался я того места, где высаживался, в срок, не опоздал. Залёг у кромки леса за кустами и наблюдаю за морем. Чуть какое судно покажется, у меня сердце ёкает: он или не он. Несколько раз так было. Было ещё: люди в фуражках по берегу проходили. Но, однако ж, дождался я. Не подвёл капитан. Как яхта подходит к берегу стала, я быстро разделся, всё в мешок резиновый покидал, мешок надул – и бегом в воду. Капитан мне конец кинул и вытянул меня на палубу. С берега, вроде, нам что-то кричали, но мы полным ходом в море рванули. Я потом полные сутки проспал, а капитан за меня все вахты стоял.

В Руане уже, когда нам прощаться пора, капитан мне деньги суёт: жалование, говорит, матросу полагается. Мне неловко было, однако ж, взял я свое жалование. А ему в благодарность я на прощание ещё мотор вычистил и смазал. И воду выкачал из трюма. И ещё раз палубу надраил. И медяшки надраил до солнечного блеска. Вот.

Париж. Август 1924 года.

Высокий голубоглазый, уже седеющий, загорелый капитан сидел напротив улыбающегося Берковича с серьёзным лицом:

– Зачем вы меня пригласили сюда, Владимир Феофилактович? Не проще ли было перевести причитающуюся мне сумму в банк?

– Любезный Иван Иванович, мне доставляет огромную радость вновь лицезреть вас и беседовать с вами, – замурлыкал Беркович, – умоляю, не лишайте меня этого удовольствия! Кроме того, как известно, деньги любят тишину, а наличные деньги обеспечивают тишину лучше, чем банковские переводы.

– Мне пришлось ради этого оставить корабль в Руане и ехать в Париж. Это расходы.

– Эти расходы легко окупятся, если мы с вами договоримся сейчас ещё об одном деле.

Капитан вопросительно взглянул на собеседника. Тот стёр с лица дежурную улыбку и продолжил уже деловым тоном:

– Итак, господин барон, мы с вами договорились об одной транспортной операции: доставка четырёх пассажиров и груза в Гельсингфорс. Вам был выдан аванс.

Капитан кивнул. Беркович щёлкнул костяшками на счётах.

– Вами также была оказана дополнительная услуга: доставка груза из Гельсингфорса в Бьёрке.

Беркович снова щёлкнул костяшками на счетах.

– Вот остаток, как договаривались, – он протянул капитану пачку английских пятифунтовых банкнот. – Будьте добры, расписку.

Капитан аккуратно пересчитал купюры, бросил пачку в саквояж и удовлетворенно кивнул.

– На каком языке писать?

– Пишите по-английски, – Беркович пододвинул капитану лист бумаги и перо.

Тот написал расписку и протянул её Берковичу:

– Теперь всё?

– Не торопитесь, барон, не торопитесь. Есть ещё одно дело деликатного свойства.

Беркович нажал кнопку электрического звонка. На пороге кабинета возник не то секретарь, не то адъютант.

– Андрей Христофорович, распорядитесь, чтобы нам с бароном подали кофе и коньяк. Какой вы предпочитаете? «Мартель»?

– Я предпочитаю ром.

– Тогда, Андрей Христофорович, распорядитесь, нам кофе с ромом. Ром отдельно, – уточнил он, поймав взгляд капитана. – А вас, барон, прошу в эти кресла, здесь будет удобнее.

Они пересели в кресла друг напротив друга. Адъютант поставил на столик между ними приборы и откупоренную бутылку кубинского рома.

В ответ на приглашающий жест хозяина капитан щедро плеснул себе рома в чашку, выпил и одобрительно кивнул. Беркович отхлебнул кофе и спросил:

– Помните, барон, я направлял к вам ещё одного пассажира, господина Воробьёва?

– Перевозка этого пассажира не входила в условия договора, поэтому я не в праве требовать с вас оплату.

– Разумеется, барон, разумеется. Однако, если выяснится, что этот пассажир оказался нам полезным там... то мы... если мы с вами договоримся... мы могли бы разделить между собой ваши расходы...

– Объясните, Владимир Феофилактович, – насторожился капитан. – Кто с кем и что будет делить?

Беркович успокаивающе поднял обе ладони:

– Вам совершенно не о чем волноваться. Я хотел бы вам предложить... Я мог бы выплатить вам дополнительную, скажем так, премию... Но сперва расскажите мне в деталях о вашем путешествии и в особенности о вашем пятом пассажире.

– А что именно вас интересует?

– Всё! Его поведение там... на той стороне... Ваше впечатление о нём?

– Впечатление самое лучшее. Очень достойный человек!

– Расскажите подробнее.

Капитан ненадолго задумался и начал свой рассказ:

– Море легко выявляет: настоящий человек или пустой.

Кто изображает из себя больше, чем стоит на самом деле. А этот ничего не изображал. Человек с чистой душой. И ведь фортуна мне его прислала!

– Фортуна, надо полагать, это я? Спасибо, – улыбнулся Беркович.

– Фортуна вашими руками. Знаете, что такое яхта пятьдесят футов?

– Приблизительно.

– Вы не знаете, – махнул рукой капитан. – Чтобы ею управлять нужен экипаж, как минимум, из четырёх человек. Лучше из пяти. Если себя не беречь и уметь долго не спать, то некоторое время можно обходиться вдвоём. Я получаю содержание на троих матросов, а нанимаю их редко. Обычно со мной ходят матросами моя жена и мой сын. Только так можно что-то заработать на жизнь.

– Каждый делает свой маленький гешефт, – понимающе вздохнул Беркович.

– И вот представьте: пришло время рейса по нашему с вами договору, а жена и сын оба разом заболели корью.

Беркович сочувственно цокнул языком и покачал головой. Капитан отхлебнул рому и продолжил:

– Мало того, что пришлось нанять сиделок и платить врачам, и почти все деньги за это отдать, так я ещё остался и без экипажа. Чтобы набирать новый уже нет ни денег, ни времени. А тут ещё вот какое обстоятельство: по условиям договора, груз особый, за сохранность его я головой отвечаю. И пе-

редавали мне эти ящики не в порту, а прямо в море – с борта на борт. Понятное дело, простой груз в море перегружать не станут и специальным рейсом не повезут. Тут кого угодно к себе на борт не возмёшь. Из Дувра до Гавра я дошёл один. На что рассчитывал, сам не знаю! Понадеялся немец, видно, на русский авось.

Тут Беркович заливисто расхохотался. Капитан тоже улыбнулся и долил себе в чашку чистого рома, с удовольствием отхлебнул, зажмурился, открыл глаза и продолжил:

– В Гавре накануне дня выхода заявились ко мне ваши пассажиры. Четверо. Сразу видно, офицеры, и сразу видно, что русские. Ну, мелькнула у меня надежда: помогут землячку, если что, управиться с парусами. А как поговорил с ними, сразу понял: не помогут.

– Отчего же? – удивился Беркович.

– Гвардейцы! – презрительно скривил губы капитан.

– Гвардейцы кардинала, – пробормотал Беркович.

– Как вы говорите?

– Ничего-ничего, продолжайте, пожалуйста.

Капитан продолжил:

– В гвардии имели счастье служить, поэтому сочли себя вправе через губу со мной разговаривать. Я для них – гвардейцев – извозчик, обслуга. Как извозчика меня и наняли. А что я по-французски говорю, так здесь все извозчики по-французски говорят. Пришли, на палубе и в каютах натоптали, грязи нанесли. Матерились, что малы им койки и, уж

простите, срать неудобно. Вещи свои мне в кучу на палубу свалили: разбирай, мол, сам. Я тут, конечно, тоже не сдержался: по матери их обложил. Только всё это без толку. Чуть попритихли они, но злобу на меня затаили. И просить их о чём-то по-хорошему после этого уже было никак.

– А дальше? – подбодрил замолчавшего рассказчика Беркович.

– Приготовил я яхту к отплытию. Жду пассажиров. И тут появляется передо мной запыхавшийся господин в пальто нараспашку и котелке набекрень, с маленьким саквояжем. Усы торчком, глаза сумасшедшие. Представляется мне и подает ваше рекомендательное письмо. Чем-то он сразу мне понравился, но я сразу решил себя строго поставить: сказал, что мне нужен только матрос, а ещё один бездельник на борту мне не нужен. Я даже не ожидал, что он согласится. Староват он был для матроса. Да и кто решится на такое без опыта! Говорю ему, что через час отходим. Тут он мне признаётся, что денег при нём совсем мало и рабочей одежды нет. Я говорю ему, что мне от него служба нужна, а не деньги. Ну он и решился. Выдал я ему штаны, сапоги, куртку. Потом я провёл с ним береговые учения. Схватывал он всё на лету. Тогда я выдал ему матрас и указал спальное место на ящиках. И объявил ему: матрос Воробьёв зачислен в экипаж. А он мне: «Есть, мой капитан!» Я понял, что это он пошутил так. Но ни наглости в нём не было, ни робости, ни подобострастия. Вот чем он мне так понравился. Через час те чет-

веро заявили, так они даже не заподозрили, что матрос у меня ненастоящий.

– А как же вы по его поводу портовые формальности улаживали?

– Какие формальности? Французский паспорт у него был настоящий. В Финляндии по поводу моей яхты всё было заранее улажено, никто и не посмел досматривать и проверять. А по дороге... По дороге мы заходили только в заранее указанные германские порты, где хозяйничали англичане. Да и то к английскому кораблю бортом швартовались, брали с него топливо и воду, продукты, если надо, и сразу же уходили. Даже портовые сборы не платили до самого Гельсингфорса.

– Как же вы, несколько недель без берега? Тяжело же!

– Восемь недель всего. Три недели туда без берега. Конечно, тяжело.

– А как остальные пассажиры?

– Как заявили, спустились в кубрик и ну водку жрать и в карты играть. У нас во флоте такое строго-настрога запрещено, но здесь они в своем праве: пассажиры, оплатившие проезд. Поэтому я смолчал. А как в море вышли, через пару часов позеленели они и слегли в койки. По очереди выполняли навверх звать Нептуна и обратно уползали. Через двое суток оклемались, и ну снова водку жрать и в карты играть. Море им не нравилось, всю дорогу скучно им было в море.

– А Воробьёв?

– А ему скучать некогда было. Знай прыгай туда-сюда. Я его без дела не оставлял. Вот он про Нептуна и не вспомнил, даже когда нас в Северном море сильно повалоило. Простую вахту на руле я ему скоро начал доверять, себя берёт на ночную вахту, для узкостей и проливов. В остальное время он несложную работу под моим началом делал. Даже суп научился в шторм варить.

– А кстати, как вы пассажиров кормили?

Капитан довольно заулыбался:

– Вот тут они у меня попали, голубчики! В контракте не указано, кто их должен в дороге кормить. А раз так, пусть пассажиры сами оплачивают свое питание или сами готовят. Первые два дня им было не до этого, потом приползли ко мне за едой. Показал я им на плиту, готовьте мол сами. Не хотят! Я им и выкатил меню по ресторанным ценам. Поругались, два дня жрали консервы и сухари. Засрали весь галльюн до неприличия. Потом стали себе готовить по очереди, переругались между собой. Я всегда краем глаза приглядывал за ними и Воробьёву велел приглядывать, чтобы они пожар не учинили, остальное – их дело.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.